

АРХИВ УКРАДЕННОЙ ПАМЯТИ

АНДРЕЙ СЕВЕРСКИЙ

Андрей Северский

Архив украденной памяти

«Автор»

2026

Северский А.

Архив украденной памяти / А. Северский — «Автор», 2026

В Вереске память служит удостоверением личности, валютой и уликой. Архивистка Ива Рей умеет слышать швы в чужом прошлом — и однажды находит воспоминание о собственной гибели глазами человека, который ещё никогда её не встречал. Независимый перевозчик Терен Валь разыскивает сестру, обвинённую в контрабанде воспоминаний. Вместе с Ивой он выходит на тайный городской резерв, где чужие события отделяют от их причин, а добровольное согласие подменяют заботой о всеобщем спасении. До нового Стеклянного дождя остаются считанные дни, и создательница Архива уверена: право отдельного человека на тайну слишком дорого обходится городу. Чтобы спасти жителей и не отдать никому власть переписывать их личности, Иве и Терену придётся расследовать подлинность собственных чувств, не превращая близость в полный доступ друг к другу.

© Северский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Память об убийстве	6
Глава 2. Архив после дождя	12
Глава 3. Перевозчик отозванного	19
Глава 4. Серебряный шов	26
Глава 5. Ночной рынок причин	33
Глава 6. Подруга без последнего дня	40
Глава 7. Человек, которого ещё нет	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Андрей Северский

Архив украденной памяти

От автора

Память кажется самой надёжной частной собственностью. Можно потерять дом, письмо, фотографию, но пережитое будто бы остаётся внутри и подтверждает: это случилось со мной, поэтому я стал именно таким человеком.

«Архив украденной памяти» начинается с другого предположения. Что, если воспоминание можно вынуть, передать, купить и вернуть? Что останется личным, если чужое детство способно стать развлечением, чужой навык — быстрым способом получить профессию, а чужая боль — доказательством в суде? И кто будет владеть человеком, если вместе с памятью у него забрали не сам эпизод, а причину однажды сделанного выбора?

Это роман о расследовании в городе, который научился хранить прошлое лучше, чем уважать его владельцев. В Вереске память поддерживает закон, медицину, торговлю и власть. Она помогает вернуть утраченное после катастрофы — и позволяет назвать добровольным согласие, купленное едой, безопасностью или надеждой спасти близкого. Здесь опасен не только тот, кто крадёт воспоминания. Опасен любой, кто уверен, будто хорошая цель даёт право открыть чужую жизнь без стука.

В центре истории — Ива и Терен. Каждый из них располагает причиной не доверять другому, и магия могла бы предложить простой выход: обменяться прошлым, открыть всё, устранить сомнение. Но полный доступ не равен близости. Иногда честность состоит не в том, чтобы показать каждую закрытую комнату, а в том, чтобы назвать дверь и признать право другого её не открывать.

Рядом с романтической линией остаётся другая любовь — дружба, пережившая смерть, секрет и ошибку. Погибший человек легко превращается в удобное объяснение поступков живых. Мне хотелось оставить ему собственную волю: право не быть идеальным, право что-то скрыть и право изменить мир не последними словами, а сделанной при жизни работой.

Поэтому воспоминания в романе не служат безошибочной записью событий. Они сохраняют взгляд, страх, тепло, запах и выбранный человеком смысл, но не отменяют чужих взглядов. Героям придётся сопоставлять не только то, что произошло, но и право каждого участника распоряжаться пережитым. Самая убедительная улика может оказаться настоящей — и всё же попасть в чужие руки незаконно.

Эту книгу не нужно читать как предупреждение против памяти, архивов или желания понимать близких. Скорее, это история о границе между сохранением и присвоением. Любая система обещает безопасность убедительнее, когда просит всего одну уступку и называет её временной. Любые отношения становятся проще, если один человек получает ключ от другого. Вопрос не в том, можно ли открыть дверь. Вопрос в том, кто сможет её закрыть.

В Вереске ответы хранятся в стекле. Но выбор всё равно приходится делать живым.

Глава 1. Память об убийстве

Конфискованные воспоминания доставляли в Архив до рассвета, пока Вереск ещё не решил, каким ему быть сегодня: городом стекла или городом дождя.

Ива Рей приняла железный ларец у молчаливого пристава, проверила три сургучные печати и расписалась на медной пластинке ногтем большого пальца. Буквы вспыхнули под кожей и тут же погасли. Ларец был холоден, хотя его подняли с ночного рынка меньше часа назад. Изнутри доносился едва слышный звон — будто муха билась о край бокала.

— Одна капсула? — спросила Ива.

— По описи одна.

— А по вашим глазам?

Пристав посмотрел на неё с неприязнью человека, которому предложили отвечать не по форме.

— Ларец вскрывали при задержании. Внутри была одна.

— Значит, одна капсула и одно нарушение цепи хранения.

Он подвинул к ней протокол.

— Вскрытие произведено в присутствии двух понятых.

— Понятые умеют слушать швы?

— Нет.

— Тогда они могли подтвердить наличие стекла, но не целостность памяти.

Ива вписала замечание в свободную строку. Пристав шумно выдохнул, однако спорить не стал. В Архиве даже городская стража говорила тише: за стенами из молочного стекла хранились чужие первые поцелуи, признания в преступлениях, запахи умерших матерей и последние минуты людей, не успевших назвать убийцу. Повышенный голос здесь казался ещё одной формой незаконного доступа.

Она дождалась, пока пристав уйдёт, и только тогда открыла ларец.

На сером войлоке лежала капсула длиной с мизинец. Обычное закалённое стекло, латунные горлышки с обеих сторон, дешёвая проволоочная пломба. Такие продавали на ночном рынке тем, кому не хватало денег на сертифицированный сосуд. Жидкий свет внутри был мутно-янтарным. Он медленно поворачивался вслед за дыханием Ивы, хотя законно отделённая память должна была оставаться неподвижной до соединения с якорем.

Ива надела тонкие перчатки и коснулась капсулы костяным щупом.

Звон прекратился.

— Услышала, — тихо сказала она сосуду.

Она всегда говорила это повреждённым воспоминаниям. Не из суеверия. Скорее из вежливости, которой никто не требовал, но без которой работа слишком легко превращалась в разделку чужой жизни.

Реставрационная ячейка занимала центр лаборатории. Медный стол окружали четыре стойки с нитями-настройщиками; над ним висела линза из дождевого стекла, собиравшая рассеянный свет каналов. За окном нижние ярусы Вереска проступали из тумана один за другим. Трамвайные мосты чертили между башнями светлые линии. По прозрачным желобам вдоль фасадов текли отозванные воспоминания — опечатанные, обезличенные, направленные владельцам. Со стороны они напоминали золотых рыб, которым город назначил маршрут.

Ива закрепила капсулу в кольце и внесла номер дела в журнал: НР-48-117. Изъято у неизвестного торговца. Предполагаемый товар — переживание насильственной смерти. Владелец не установлен. Якорь отсутствует.

Последняя строка заставила её перечитать запись.

Без якоря воспоминание можно было просмотреть только ценой повреждения. У законной капсулы якорем служило телесное ощущение: вкус соли, боль в старом переломе, давление чужой ладони. Оно связывало пережитое с человеком крепче имени. Серебряный шов отмечал добровольное извлечение и оставлял владельцу право отозвать переданное. Здесь ни документа, ни отдельного якорного флакона не было.

Но что-то удерживало память от распада.

Ива убрала верхний свет и провела над стеклом слуховой иглой. Обычно законный шов звучал одной чистой нотой, а грубый чёрный разрез шуршал, как песок под дверью. Капсула ответила двумя голосами. Первый был низким и ровным. Второй — почти неслышным, быстрым, проложенным поперёк первого.

Монтаж.

Ива замерла, удерживая иглу в миллиметре от стекла. Монтажные швы ей попадались редко. Подделать событие целиком было невозможно: тело помнило несогласованность лучше сознания. Но хороший резчик мог переставить причины, убрать лицо, пришить к одному страху чужой поступок. Такая память не лгала. Она просто заставляла правду отвечать не на тот вопрос.

По правилам следовало запечатать капсулу, вызвать старшего реставратора и ждать судебного разрешения. По правилам ларец не должны были вскрывать на рынке. По правилам рядом с капсулой обязан был лежать якорь.

Ива нажала педаль аварийного колокольца, но не до конца. Медный язычок не коснулся чаши.

Сначала нужно было понять, что именно исчезло из описи.

Она осмотрела войлок. В углублении для капсулы блестела тонкая влажная дуга. Ива провела по ней полоской реактивной бумаги. Та стала синей, затем серебристой.

Якорь был не во флаконе. Им пропитали подкладку.

Кто-то рассчитывал, что капсулу откроют сразу после задержания, сочтут повреждённой и отправят на уничтожение. Или рассчитывал на конкретного реставратора, достаточно упрямого, чтобы восстановить её без приказа.

Ива сняла перчатку. На внутренней стороне левого запястья серебрился её рабочий шов — тонкий, официальный, многократно продлённый. Она не собиралась соединять неизвестную память с собой. Достаточно было собрать внешний контур: запах, вес тела, направление движения, всё, что не требовало полного погружения.

Она вырезала влажный фрагмент войлока, поместила его в чашу и добавила каплю собственной крови как проводник. По лаборатории распространился запах мокрого камня.

Не рынка. Не камеры хранения.

Дождя на горячей мостовой.

Якорь отозвался на её кожу резкой болью в правой ладони. Ива дёрнулась. Перед глазами на мгновение возникли пальцы — мужские, в ссадинах, с чёрной полосой под ногтем. Они сжимали край чего-то металлического.

Связь оборвалась.

Ива записала: «Якорь: повреждение правой ладони; сопутствующий запах — первый дождь по нагретому базальту». Потом достала из шкафа удерживающую сетку и натянула над столом серебряные нити.

Ей следовало позвать мастера Керна.

Но Керн запретил бы продолжать. К полудню капсулу унесли бы в судебное хранилище, а к вечеру в деле появилась бы запись о недостаточности материала. Ива слишком часто видела, как опасная память становилась безопасной после прохождения трёх отделов и семи подписей.

Она подумала о Норе. Та называла архивные процедуры искусством превращать чужой крик в аккуратный номер.

«Если однажды принесут мой, — сказала она за неделю до смерти, — не верь этикетке».

Ива тогда рассердилась. Нора умела бросать страшные фразы между глотками кофе и не объяснять, предупреждение это или шутка.

Теперь Ива закрепила слуховую иглу на первом шве.

— Только внешний контур, — сказала она вслух.

Серебряные нити сомкнулись вокруг её запястий.

Она повернула капсулу.

Мир вошёл в неё чужой ладонью.

Сначала была боль. Не острая, а горячая и упрямая: правая рука разодрана от основания большого пальца до запястья. Затем тяжесть мокрого плаща на плечах. Мужчина — память принадлежала мужчине, Ива поняла это по высоте шага и непривычной ширине грудной клетки — бежал вверх по лестнице. Каменные ступени блестели. Слева за перилами проваливался ночной Вереск, расчерченный огнями каналов.

Он знал, куда бежит.

Это знание сидело в мышцах, однако причина была вырезана. Вместо неё в памяти стояла гладкая тёмная перегородка. Мужчина перескочил через две ступени, ударился плечом о дверь и оказался в круглом помещении под стеклянной крышей.

Дождевая башня.

В центре зала вращался механизм сбора воды: медные лепестки раскрывались навстречу каплям, направляя их в трубы. По полу тянулись лужи. В одной из них лежала женщина.

Ива увидела собственное лицо.

Связь вытолкнула её из памяти. Она рухнула на колени, серебряные нити впились в запястья, удерживая тело от удара о стол. В лаборатории звенел колокол — не аварийный, а малый диагностический. Капсула вращалась в кольце всё быстрее.

Ива перехватила дыхание. Её ладонь была цела, но боль чужого пореза не исчезла. Она посмотрела на свои пальцы, словно ожидала увидеть на них кровь.

На полу дождевой башни лежала она.

Не похожая женщина. Не лицо, достроенное страхом. Ива заметила белую прядь у правого виска, маленький шрам под подбородком, разорванный ворот своей серой рабочей куртки. Шрама у неё не было. Белой пряди тоже.

Пока.

Она поднялась, выключила сетку и накрыла капсулу свинцовым колпаком. Звон стих. За окном начинался обычный рабочий день. На мосту торговка открывала цветочный киоск. Первый трамвай остановился у Архива, выпустив сонных регистраторов. Мир не заметил, что Ива только что присутствовала при собственной смерти.

Будущие воспоминания считались мошенничеством. Человек мог помнить предсказание, сон или искусно внушённую сцену, но не событие, которого ещё не пережил. Причинность не терпела пустых петель. Даже незаконно отрезанная память принадлежала чему-то прошлому.

Значит, либо женщина была не Ивой, либо событие уже произошло с кем-то, чьё тело убедили принять её лицо, либо монтажный шов менял не только участника сцены.

Она должна была остановиться.

Вместо этого Ива заново надела перчатки и подняла свинцовый колпак.

— Ты не покажешь мне то же самое дважды, — сказала она капсуле. — Покажи край разреза.

Для второго погружения она изменила настройку. Не стала входить вслед за взглядом владельца, а направила слуховую иглу поперёк быстрого шва. Это было неприятно даже с безопасной памятью: сознание чувствовало себя тканью, которую распарывают изнутри. С повре-

ждённой капсулой ошибка могла оставить ей чужую привычку, беспричинный страх или навязчивую уверенность в событии, которого с ней не было.

Ива подумала о мастере Керне и всё-таки замкнула контур.

Дождевая башня вернулась рывком.

На этот раз мужчина стоял у входа. Его правая ладонь кровила. В левой он держал короткий нож с матовым лезвием. Ива на полу была жива. Она отползала к механизму, оставляя тёмный след в воде.

— Ты опоздал, — сказала она.

Голос принадлежал Иве. Чуть ниже, чем сейчас, сорванный болью. За фразой ощущалось общее прошлое — множество разговоров, договорённость, нарушенное обещание. Монтаж вырезал их содержание, но оставил тяжесть.

Мужчина шагнул к ней.

Ива внутри памяти попыталась отвести его взгляд от собственного лица и заставить посмотреть на отражение в медном лепестке. Шов сопротивлялся. Картинка дрогнула. На миг она увидела тёмные волосы, мокрые от дождя, резкую линию скулы, светлую радужку. Затем чужая рука подняла нож.

Женщина на полу не закрыла глаза.

Она протянула ладонь — не защищаясь, а требуя остановиться.

— Отзови её, Терен.

Имя ударило сильнее ножа.

Мужчина замер. Память вокруг него потемнела, зато телесный якорь вспыхнул сразу весь: порезанная ладонь, запах дождя, металлический привкус страха и ещё одно ощущение, тихое, почти неотличимое от боли, — её пальцы когда-то лежали у него на запястье. Добровольно. Доверчиво.

Нож опустился.

Не в тело. В серебряную нить, натянутую между Ивой и механизмом дождевой башни.

Разрез ослепил её белым светом.

Она очнулась, стоя у лабораторного стола. В руке была слуховая игла. Остриё пробило перчатку и вошло в кожу рядом с рабочим швом.

Ива выдернула иглу. Капля крови скатилась к ладони.

За дверью кто-то стучал.

— Рей? — раздался голос Керна. — У тебя диагностический колокол сработал.

Ива опустила свинцовый колпак, вытерла кровь и взглянула на журнал. На полях, не помня самого движения, она написала имя: Терен.

— Повторный отклик старого контура, — ответила она. — Уже погасила.

— Открой.

Она убрала полоску с якорным реактивом в карман куртки. Потом открыла дверь.

Мастер Керн был широкоплечим седым человеком с лицом, навсегда недовольным несовершенством чужих протоколов. Он вошёл, посмотрел на стол, на ларец и на слишком ровно лежащие инструменты.

— Ночной рынок?

— Конфискат. Дело НР-48-117.

— Почему без свидетеля?

— Я не вскрывала память. Только проверила сосуд.

Ложь вышла точной, почти профессиональной. Капсулу она действительно не вскрывала.

Керн снял колпак. Янтарный свет внутри стекла уже не двигался. Быстрый монтажный шов умолк, будто понял, что Ива его услышала.

— Что с ладонью?

— Игла соскользнула.

— У тебя игла не соскальзывала с первого года обучения.

— Значит, пора было обновить достижение.

Он не улыбнулся. Керн умел слушать людей почти так же хорошо, как Ива — повреждённые швы, и потому редко задавал вопрос, если не был готов к неприятному ответу.

— Есть якорь?

— В описи нет.

— Я спросил не про опись.

Ива почувствовала в кармане влажную тяжесть войлока. Если передать его Керну, он сможет повторить внешний контур. Увидит башню, её лицо, мужчину. Возможно, услышит имя. Тогда дело уйдёт в Отдел причинностных нарушений, а Иву отстранят как заинтересованное лицо. Это было бы правильно.

Но неизвестный не убил её в увиденной сцене. Он разрезал нить. Монтаж заставлял движение выглядеть нападением, пока она не вошла поперёк шва. Если показать только лицо, стража станет искать человека как будущего убийцу. Если рассказать всё, придётся объяснить невозможное воспоминание и собственное нарушение процедуры.

А главное — кто-то уже позаботился о том, чтобы якорь исчез.

— Следы на подкладке, — сказала Ива. — Слишком слабые. Я отправлю в химическую.

Керн протянул руку.

— Отдай сейчас.

— Я ещё не закончила первичный акт.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. За стеклянной стеной лаборатории проходили служащие. Никто не заглядывал внутрь, но Ива вдруг ощутила весь Архив как огромное внимательное ухо.

Керн первым отвёл взгляд.

— До девяти, Рей. Потом капсула уходит в судебное хранилище. И впиши диагностический отклик в журнал.

— Впишу.

У двери он остановился.

— Если слышала в ней что-то личное, это не делает память твоей.

— Я знаю.

— Ты всегда знаешь. Меня тревожит, что это ни разу тебя не остановило.

Когда он ушёл, Ива заперла дверь и достала полоску войлока. На серебристой поверхности проступил отпечаток её крови. Рядом, там, где прежде ничего не было, медленно проявлялись четыре цифры: 7–3–1–9.

Якорный адрес.

Не имя владельца, но маршрут регистрации. Первая цифра означала западные каналы, вторая — независимые перевозчики. Ива знала, где искать полный номер: в закрытом реестре отозванных отправок. Доступ к нему выдавали только судебным курьерам и кураторам Архива.

Она переписала цифры на внутреннюю сторону манжеты, затем поместила войлок в пакет для химической лаборатории. В официальный акт внесла всё, что могла подтвердить без погружения: двойной шов, отсутствие отдельного якоря, вероятный монтаж, необходимость срочной экспертизы. В строке «содержание» написала: «Закрытое помещение дождевого назначения; двое взрослых; угроза применения режущего инструмента».

Перо зависло над следующей строкой: «Установленные лица».

Она вспомнила светлые глаза в медном отражении. Имя, произнесённое её собственным будущим голосом. Тихое знакомое ощущение чужого запястья под пальцами.

Ива написала: «Не установлены».

Потом нажала педаль аварийного колокольца до конца.

На этот раз удар разнёсся по всему этажу. В дверях зажглись красные печати, замыкая лабораторию до прибытия комиссии. Капсула под свинцовым колпаком ответила единственной низкой нотой.

Ива стояла рядом, прижав окровавленную ладонь к груди, и понимала две вещи.

Кто-то продал воспоминание мужчины по имени Терен о событии, которого ещё не было.

И теперь Архив начнёт искать его без лица.

Глава 2. Архив после дождя

Комиссия прибыла через семь минут после колокола и сразу отняла у Ивы право прикасаться к собственной находке.

Трое регистраторов в серых накидках вошли в лабораторию, не стряхнув дождь с плеч. За ними мастер Керн провёл судебного хранителя — сухую женщину с медной цепью полномочий на шее. Она представилась Лианой Орс, хотя Ива знала её по десяткам подписей: Орс принимала всё, что Архив хотел убрать подальше от вопросов.

— Дело НР-48-117, — сказала Орс. — Кто размыкал транспортный контур?

— Я.

— Кто входил в содержание?

Ива выдержала паузу ровно настолько, чтобы вопрос не показался ей неожиданным.

— Полного погружения не было. Внешний отклик возник при проверке сосуда.

Керн стоял у двери, сложив руки. Не выдал её взглядом и не спас.

Орс надела прозрачные перчатки, провела пальцами над ларцом и поморщилась, когда серебряный шов отозвался двойным звоном.

— Монтаж.

— Быстрый и поперечный, — сказала Ива. — Я внесла в акт.

— В акте нет имени владельца.

— Его нет и в памяти сосуда.

Это было правдой, если считать памятью сосуда лишь то, что можно доказать без якоря.

Орс запечатала капсулу в чёрный футляр. Красная сургучная жилка обежала замок и впитала номер дела.

— До решения причинностного отдела доступ закрыт. Реставратор Рей временно отстранена от работы с предметом.

— Временно — до какого события? — спросила Ива.

— До решения.

— Это не событие, а привычка учреждения.

Один из регистраторов опустил глаза, пряча улыбку. Орс даже не моргнула.

— До письменного допуска куратора Мел.

Имя Сайры прозвучало как щелчок второго замка. Куратор умела говорить о памяти так, будто спасала ладонями каждую каплю под протекающей крышей. После неё хотелось простить Архиву даже унижительные формы согласия. Формы, однако, оставались.

Комиссия унесла футляр. Лаборатория сразу стала слишком просторной.

Керн дождался, пока красные печати на двери погаснут.

— Покажи руку.

— Царапина.

— Я не спрашивал диагноз.

Ива протянула ладонь. Прокол от слуховой иглы уже затянулся тонкой коркой, но рядом с рабочим швом серебрилось воспалённое кольцо. Керн не коснулся его. Он редко касался людей без необходимости, и сейчас Ива была ему за это благодарна.

— Чужой якорь удержался, — сказал он. — Иди в очистную.

— Сам выветрится.

— Порезанная ладонь?

Она вскинула глаза.

— Ты назвала химикам реактив для телесной боли, — пояснил Керн. — Я ещё умею читать заявки.

Ива спрятала руку в карман.

— Тогда зачем спрашивал?

— Хотел проверить, сколько правды ты оставишь мне по собственной воле.

За окнами над западным каналом разошлась туча. Утренний свет упал на мокрые крыши, на трамвайные провода и мосты между ярусами. Дождевая башня, которую Ива видела в капсуле, отсюда была скрыта корпусом Архива. Но она знала, где искать её шпиль.

— И сколько? — спросила она.

— Меньше, чем нужно для твоей безопасности. Больше, чем ты думаешь.

Керн взял её журнал и перелистнул к акту.

— Орс закрыла тебе капсулу, не весь Архив. До конца смены займись сверкой нижнего фонда. После ночного ливня там опять плывут печати.

Нижнее хранилище было наказанием для учеников и убежищем для тех, кто не хотел разговаривать. Керн никогда не давал Иве бессмысленной работы.

— Какой сектор?

— Посмертные передачи. Западная стена.

Он вернул журнал. На его большом пальце остался след синей пыли от обложки.

Нора хранилась у западной стены.

Ива почувствовала чужую боль в правой ладони, словно невидимый порез снова раскрылся.

— Это приказ?

— Это работа, которую я поручил специалисту. Если специалист найдёт нарушение, он зафиксирует его до того, как начнёт спасать мир в одиночку.

— Я никогда не пыталась спасти мир.

— Только отдельных людей. Мир почему-то всё время оказывается рядом.

Он ушёл, оставив ей ключ нижнего фонда.

Нижний фонд находился ниже уровня воды. Туда вела винтовая лестница, вокруг которой в прозрачной трубе медленно текла дождевая вода.

Ива спускалась, считая площадки. На третьей исчез уличный шум. На пятой стало холодно. На седьмой серебряные жилки в стенах начали повторять биение её рабочего шва.

У двери хранилища сидел смотритель Юн. Ему было лет шестьдесят, но архивная служба вымыла из его лица возраст, оставив только внимательность и мешки под глазами. На столе перед ним остывал чай, а рядом лежала раскрытая книга допуска.

— Рей, — сказал он. — К мёртвым или от мёртвых?

Так в нижнем фонде спрашивали о цели визита. К мёртвым приходили родственники за завещанным воспоминанием. От мёртвых — служащие, когда извлечённое начинало протекать, спорить с описью или звать человека, которому не принадлежало.

— К пломбам после дождя.

Ива положила на стол ключ Керна.

Юн осмотрел печать на бороде, затем посмотрел на её правую руку.

— Заодно к своей?

— У меня здесь нет ячейки.

— Живые всегда так говорят, пока не находят расписку.

Он раскрыл книгу на сегодняшней дате. Ива вписала имя, время и сектор. В графе цели указала: «Проверка водяного смещения пломб». Перо Юна дрогнуло, когда он поставил свидетельский знак.

— Западная стена молчала всю ночь, — сказал он. — А утром запела.

— Какая ячейка?

— Если бы знал, написал бы заявку. Здесь голоса ходят по трубам. Может, наверху кто-то чайник поставил на чужое детство.

Он повернул колесо замка. Дверь отошла с мягким вздохом, выпуская запах извести, металла и горьких трав, которыми успокаивали посмертные якоря.

Внутри тянулись серые шкафы без имён и дат — только номера и стеклянные окошки с печатями. В законно переданной памяти серебро лежало ровной дугой. После ливня старые пломбы иногда сдвигались на толщину волоса, и чужой запах или боль просачивались в соседнюю ячейку.

Ива начала с первого ряда. Прикладывала к каждому окошку камертон, слушала ответ, отмечала мелом устойчивость шва. Работа требовала терпения и не оставляла места мыслям. Именно поэтому мысли о Норе не уходили.

После смерти подруги Архив выдал Иве девять заверенных минут. Нора поднималась по лестнице лечебницы, спорила с кем-то за закрытой дверью, затем звенело разбитое стекло. Падения не было — закон запрещал извлекать последнюю боль без прижизненного согласия. Остались страх, красная полоска света под дверью и слова: «Не им решать, что во мне лишнее».

На тридцать втором прослушивании Керн отобрал у неё доступ: горе не становилось исследованием от количества повторов.

Сектор Норы находился в конце западной стены. Ива не собиралась начинать с него, но ноги сами узнавали поворот. Ячейка ПП-06-441 располагалась на уровне груди. В окошке должна была лежать серебряная дуга с тёмным узелком — следом оборванного страха.

Окошко было чёрным.

Ива остановилась в двух шагах.

Она знала четырнадцать безопасных объяснений погасшей пломбы и ни одному не поверила.

Камертон коснулся стекла.

Тишина.

За стеклом не было ничего, что могло бы отозваться.

Ива вытащила служебную линзу и навела на номер. Цифры ПП-06-441 были выгравированы правильно, но последняя единица казалась глубже остальных. Под косым светом вокруг неё проступил квадратный край вставки.

Номер меняли.

— Юн! — позвала она.

Голос ушёл между шкафами и не вернулся.

По правилам ей следовало отойти от ячейки и дождаться второго служащего. Ива положила обе ладони на виду, заставила себя сделать шаг назад. Потом ещё один.

На третьем шаге из глубины стены донёсся тонкий женский смех.

Нора так смеялась, когда уже поняла чужую ошибку, но ещё решала, будет ли великодушной.

Ива ударила камертоном по медной рамке.

Стена запела сразу в трёх местах. Слева от пустой ячейки отозвался детский запах печёных яблок. Справа вспыхнула боль в разбитом колене. А снизу, из ячейки ПП-06-439, поднялся смех — не звук, а телесная память о том, как Нора запрокидывала голову, как воздух холодил зубы и напрягались мышцы живота.

Чужой якорь просочился не из пустоты. Его перенесли вниз.

Ива опустила на колени. Пломба ПП-06-439 выглядела старой, покрытой естественной патиной. В окошке серебрилась ровная дуга, соответствующая описи: «Мужчина, пятьдесят два года; завещанная память о примирении с сыном; доступ после совершеннолетия наследника».

Она не имела права вскрывать её ради голоса мёртвой подруги. И всё же рука потянулась к ключу.

Ива сжала пальцы прежде, чем коснулась замка.

Если Нора действительно спрятала фрагмент в чужой ячейке, она сделала это потому, что не доверяла официальному доступу. Вскрыть капсулу означало повторить именно то, против чего она боролась. Ива достала из кармана узкую полоску чистого стекла и приложила к внешнему краю пломбы. Для проверки остаточного шва согласие не требовалось: стекло собирало только след переноса, не содержание.

На полоске проступили две линии.

Первая принадлежала законной пломбе ПП-06-439. Старая, плавная, с отметкой Юна семилетней давности.

Вторая была свежей и почти бесцветной. Она шла поперёк, обрывалась, снова возникала — тот же торопливый почерк монтажа, который Ива слышала в янтарной капсуле.

Её правую ладонь пронзило чужим порезом.

Адрес 7-3-1-9 отозвался в шве.

Ива отдернула руку. Стеклянная полоска упала на каменный пол, но не разбилась.

Терен или тот, кто пользовался его якорем, был связан не только с памятью о будущем убийстве. Тем же разрезом вскрывали посмертный фонд Норы.

Послышались шаги. Ива поднялась, оставив ключ на цепочке.

Юн появился из прохода между рядами. За ним шла молодая служащая очистной с коробкой реактивов.

— Звала? — спросил он.

— Пустая ячейка. Изменён номер. Остаточный шов в соседней.

Юн перестал шуриться. Его лицо стало лицом смотрящего, который отвечает не за шкафы, а за чужое последнее право.

— Ничего не открывала?

— Нет.

— Хорошо.

Короткое слово оказалось тяжелее похвалы: люди всё ещё надеялись на её выбор.

Юн велел служащей перекрыть сектор. Та натянула между шкафами синюю нить запрета. Затем он достал из внутреннего кармана собственную книгу — не официальный журнал допуска, а тонкую тетрадь с пожелтевшими страницами.

— После Стеклянного дождя номера менялись каждую неделю, — сказал он. — Я начал переписывать их для себя. Начальство запрещало: дублирование реестра, риск утечки. Потом начальство сменилось, а привычка осталась.

Он нашёл шестой ряд и провёл ногтем по строкам.

— ПП-06-441. Нора Вей. Принята одиннадцать месяцев назад. Судебная выдержка, девять минут. Передана на постоянное хранение через три дня после смерти.

— Когда ты видел её в последний раз?

— В начале зимы. Проверял родственные ограничения.

— У Норы не было родственников в Вереске.

— Ограничение поставили не на родственников. На тебя.

Ива услышала, как по трубам за стеной движется вода.

— Кто?

— В реестре стояла её прижизненная подпись.

— Нора запретила мне доступ?

— Не навсегда. До события.

— Какого?

Юн перелистнул страницу.

— «До добровольного отзыва владельцем либо предъявления якоря первого дождя».

Правую ладонь обожгло снова. Запах горячего базальта, мокрый плащ, нож в руке Терена. Нора знала якорь капсулы. Возможно, знала мужчину. Возможно, подготовила маршрут, который после её смерти должен был привести Иву сюда.

— Почему этого не было в официальной выдержке?

— Потому что ограничение сняли шесть недель назад. По документам — владельцем.

— Нора мертва одиннадцать месяцев.

— Поэтому я запомнил дату.

Юн показал запись. Между строками лежал оттиск допуска: тонкая белая птица с раскрытым клювом. Ива видела этот знак на внутренних распоряжениях кураторского этажа.

— Чей ключ?

— В журнале — временный судебный. Подпись неразборчива. В моей книге — человек в плаще, высокий, правша. Лица не видел. Он предъявил право отзыва и назвал себя владельцем.

— Мужчина?

— Голос мужской. Но после дождя голос легко купить.

— Ладонь?

Юн посмотрел на неё внимательнее.

— Правая была перебинтована.

Ива могла сказать имя, и безликая охота получила бы цель. Но всё, что она знала о Терене, пришло из смонтированной памяти. Человек с перевязанной рукой мог быть им, пользоваться его якорем или служить приманкой.

— Он что-то забрал? — спросила она.

— Ячейку не вскрывал при мне. Приложил отзыв, пломба погасла. Потом пришёл кураторский курьер с приказом на техническое перемещение. Я ушёл за тележкой. Когда вернулся, курьер уже опечатал сектор.

— Имя курьера?

— В основном журнале.

Они вернулись к столу у входа. Синяя нить осталась за спиной, отрезая западную стену.

Юн раскрыл книгу допуска на дате шестинедельной давности. Внизу страницы не хватало двух строк. Бумагу не вырвали — волокна были заплавлены и заполнены новым слоем, на котором значились обычные визиты: проверка влажности, замена лампы.

Ива провела над листом камертоном. Замена лампы прозвучала низко, проверка влажности — выше. Между ними скрывался третий след, едва слышный из-за шлифовки.

— Журнал тоже реставрировали, — сказала она.

— Без заявки, — ответил Юн.

На краю заплавленного участка сохранилась половина буквы и тройная петля допуска кураторского этажа.

Ива вспомнила белую птицу в личной тетради Юна. Сайра Мел ставила такую печать на программах городского восстановления.

— Основная пломба пустой ячейки старая? — спросил Юн.

— Верхний слой — да. Под ним вставка. Нужно снять слепок, не разрушая край.

— Сделаешь?

— После регистрации нарушения и при свидетеле.

Юн кивнул. В его взгляде мелькнуло облегчение, и Иве стало стыдно, что оно вообще понадобилось.

Они составили первичный акт. Ива вписала пустую ячейку, изменённый номер, остаточный поперечный шов, несоответствие журнала и частной контрольной книги. Не вписала имя Терена, потому что имени в хранилище не услышала. Не вписала Сайру, потому что половина печати доказывала уровень доступа, а не руку куратора.

Зато в строке «предполагаемая связь» впервые написала без оговорок: «Официальная судебная память Норы Вей была отозвана после смерти владельца и заменена либо перемещена с нарушением цепи хранения».

Когда она поставила подпись, серебряный рабочий шов на запястье потемнел. Архив принял свидетельство и связал её с последствиями. Теперь акт нельзя было тихо исправить без следа.

Юн приложил свой знак.

— Керну?

— Сначала копию в независимый регистр.

— Архив не любит, когда ему не доверяют.

— Архив хранит доказательства того, почему ему нельзя верить без проверки.

Юн спрятал улыбку в чашке с холодным чаем и отправил служащую с копией через пневматическую трубу городского надзора. Только когда латунная капсула исчезла в канале, Ива позволила себе выдохнуть.

Керн появился через две минуты, будто стоял этажом выше и ждал звука трубы.

Он прочитал акт молча. На строке о Норе его челюсть напряглась.

— Ты знал об ограничении? — спросила Ива.

— Знал, что она закрыла память от тебя. Условия не видел.

— Почему не сказал?

— Потому что это было её право.

Ответ был правильным. Оттого больнее.

— А когда мёртвая женщина отозвала собственную память, ты тоже решил уважить её право?

— Я не знал об отзыве.

— Ты мастер западного фонда.

— И потому сейчас стою здесь, а не объясняю тебе, что система не ошибается.

Ива хотела обвинить его ещё в чём-нибудь — в осторожности, в верности процедуре, в том, что он позволил ей тридцать один раз слушать подмену. Но Керн смотрел на пустую строку журнала так, словно из неё вынули часть его собственной жизни.

— Судебная выдержка была настоящей? — спросила она.

— Память была связана с телом Норы. Я проверял якорь сам.

— Связана — не значит извлечена после смерти. Её могли взять раньше. Могли смонтировать причины. Красная дверь, голос, лестница — всё могло принадлежать другому дню.

— Да.

Он произнёс это без защиты.

Ива отвернулась. За стеклянной трубой лестницы дождевой поток нёс свет с верхних этажей вниз. В каждой капле на миг отражались шкафы.

— Капсула с ночного рынка несла условие доступа к памяти Норы, — сказала она. — Якорь первого дождя.

Это была не вся правда. Но впервые за утро она отдала Керну часть, которую могла бы оставить себе.

— Откуда знаешь?

— Условие записано у Юна. В конфискате был тот же якорь.

— И человек с порезанной рукой.

— Возможно.

— Имя?

Ива вспомнила нож, перерезающий нить. Взгляд светлых глаз в медном отражении. Будущую себя, которая не защищалась, а требовала выбора.

— Пока только маршрут: семь-три-один-девять. Независимый перевозчик западных каналов.

Керн долго смотрел на неё.

— Это всё?

— Всё, что я готова внести в акт без проверки.

Он принял границу, хотя она ему не понравилась.

— Комиссия заблокирует нижний фонд. Орс заберёт журнал, ячейки и Юна на опрос. У тебя останется не больше часа до того, как маршрут попадёт в причинностный отдел.

— Ты предлагаешь мне нарушить приказ?

— Я сообщаю устройство времени.

Керн снял с пояса жетон мастера и положил на стол.

— Закрытый реестр отозванных отправок открывается на третьем этаже. Тебя отстранили от капсулы, не от сверки маршрутов. Возьми служебную задачу по номеру семь-три-один-девять. Узнай, кому он принадлежит. Ничего не вскрывай. Никого не преследуй. Вернись с именем.

— А если имя уже стёрли?

— Тогда вернись со следом того, кто стирал.

Ива взяла жетон. Металл был холодным, хотя Керн носил его у тела.

— Почему ты мне помогаешь?

— Потому что Нора запретила тебе доступ, но оставила условие, которое могла выполнить только ты. Я не понимаю её решения. Это не даёт мне права заменить его своим.

Сверху донёсся удар аварийного колокола — короткий, двойной. Комиссия обнаружила копию акта в независимом регистре.

Юн поднял чашку в сторону Ивы, как будто провожал её не на третий этаж, а за границу.

— Иди, специалист. Сейчас мир окажется рядом.

Ива спрятала жетон Керна и вышла на лестницу.

Вода в прозрачной трубе текла вниз. Она поднималась против неё, перескакивая через ступени. На правой ладони пульсировал чужой порез. В кармане шуршала копия якорного адреса. За спиной пустая ячейка Норы хранила более точное свидетельство, чем любая капсула: кто-то боялся не того, что погибшая помнила, а того, кому она оставила право это найти.

На третьем этаже Ива приложила жетон мастера к двери закрытого реестра.

Серебряный замок распознал полномочия и произнёс:

— Маршрут семь-три-один-девять. Действующий перевозчик: Терен Валь.

Дверь открылась.

Глава 3. Перевозчик отозванного

Дверь закрытого реестра впустила Иву не в комнату, а в узкий мост, перекинутый через центральный колодец Архива. Под стеклянным настилом, на двадцать саженей ниже, медленно вращались кольца адресного механизма. По ним бежали серебряные цифры: ярус, фонд, ряд, ячейка. Чужие жизни складывались в координаты и расходились снова, когда очередная капсула меняла владельца.

На другом конце моста горела надпись: «ОТОЗВАННОЕ. ПРИЁМ И ВОЗВРАТ».

Ива сжала в кармане жетон Керна. Она ожидала увидеть имя, накладную, может быть, след маршрута. Не самого перевозчика.

Мужчина стоял у приёмного окна спиной к ней. Длинный тёмный плащ промок на плечах, хотя дождь закончился почти час назад. Через правую ладонь шла свежая перевязь. Он держал перед служащей прямоугольный кофр, опечатанный тремя владельческими швами, и терпеливо ждал, пока весы уравновесят содержимое с реестром.

— Семь возвратов, — сказала служащая. — В накладной восемь.

— Восемь отправок, — поправил он. — Одно отозвано по дороге и возвращено владельцу лично. Подтверждение в боковом гнезде.

Его голос был ниже, чем в капсуле. Там он звучал сквозь чужую боль, звон дождя и будущий страх Ивы. Здесь — спокойно, почти сухо. Но на слове «отозвано» возник тот же короткий нажим, который она запомнила перед своим именем.

Отзови её, Терен.

Ива остановилась на середине моста.

Мужчина обернулся.

Узнавание не было похоже на удивление. Его лицо не изменилось сразу; только взгляд скользнул к её левой височной пряди, пока ещё тёмной, затем к правой ладони. Он искал порез, которого не существовало. Потом быстро посмотрел за её спину, на дверь, на замок, на жетон Керна в её пальцах.

Ива увидела всё это потому, что сама делала то же самое: проверяла его правую руку, линию плеч, расстояние до аварийного колокола.

— Не двигайтесь, — одновременно сказали они.

Служащая за окном подняла голову.

Терен медленно положил левую ладонь на край стойки. Правую оставил на виду, пальцами вверх. На бинте проступала тонкая ржавая черта.

— Я сдаю законный груз, — произнёс он. — Если у Архива ко мне вопрос, пусть вопрос получит номер.

— Ваш номер уже есть.

— Это я заметил.

Адрес 7-3-1-9 был выбит на латунной пластине его кофра. Не тайный знак и не подпольная метка — обычный маршрутный номер, выставленный так, чтобы его мог прочитать каждый инспектор. Именно поэтому совпадение казалось хуже. Ловушка, уверенная в себе, не пряталась.

— Реставратор Рей? — спросила служащая. — Мне вызвать надзор?

Ива должна была ответить «да». Копия акта уже ушла по пневматической трубе; комиссия находилась этажом выше; перед ней стоял человек, чьё имя произнесла будущая Ива в памяти о собственной смерти. Любая инструкция Архива сводила следующие действия к одному глаголу: задержать.

Но тогда комиссия получила бы Терена, его груз и право первой формулировки. А Ива ещё не знала, кто подготовил для кого эту встречу.

— Нет, — сказала она. — Плановая сверка маршрута.

Терен чуть опустил подбородок. Он понял не только её решение, но и то, что оно против правил.

— Тогда подтвердите полномочия, — потребовал он.

Ива приложила жетон Керна к считывающей пластине. Серебро нагрелось. Замок повторил имя мастера, должность Ивы и узкую формулировку задачи: установить владельца маршрута без вскрытия отправлений и без преследования перевозчика.

Терен услышал последние слова и впервые позволил себе короткую, недобрую улыбку.

— Заботливый у вас мастер.

— Он заботится о доказательствах.

— Люди обычно называют доказательством то, что успели запереть первыми.

Служащая кашлянула и показала на кофр.

— Мне продолжать приём?

— Продолжайте, — ответили Ива и Терен снова одновременно.

На этот раз никто из них не отвёл взгляда.

Семь капсул лежали в кофре каждая в отдельной мягкой ячейке. От янтарных и зелёных стёкол тянулись серебряные нити — законные швы, целые, с петлёй отзыва у горлышка. Ива услышала их даже через защитную решётку: семь разных тонов, ни одного поперечного разреза. Груз Терена был чист.

В боковом гнезде находилась расписка восьмого владельца. Женская ладонь, приложенная к воску, оставила вместе с рисунком кожи ощущение тёплой муки и боли в коленях. Якорь был бытовой, непритязательный и потому убедительный. Такой трудно купить у человека, не купив заодно часть его дня.

— Вы всегда возвращаете отозванное лично? — спросила Ива.

— Когда владелец успевает отозвать память до сдачи — да.

— Даже если теряете плату за доставку?

— Плату я беру за то, чтобы память оказалась там, где ей разрешено быть.

— Благородная формулировка.

— Договорная.

Служащая вынула первую капсулу щипцами и поставила на весы. Механизм назвал имя владельца, точку назначения и условие выдачи. Терен повторил каждое условие без запинки. Он знал груз не как торговец знает цену, а как лодочник знает глубину под каждым пролётом.

Ива ждала ошибки. Ошибки не было.

Когда последняя капсула перешла под печать Архива, служащая протянула Терену приёмный лист. Он подписал его левой рукой.

— Почему не правой? — спросила Ива.

— Потому что правая порезана.

— Где?

— На работе.

— Точнее.

— Вы проводите сверку маршрута или собираете мои телесные якоря?

Вопрос попал точно. Любой подробный ответ — место, запах, температура металла — мог стать материалом для поддельного права доступа. Ива знала это лучше него и всё равно спросила.

— Справедливо, — сказала она.

Терен взял лист, но не убрал его. Бумага дрогнула между пальцами. Не от страха: в стеклянном настиле под ногами прошёл импульс адресного механизма, и мост едва заметно качнулся.

— Теперь мой вопрос, — сказал он. — Где вы взяли моё лицо?

Служащая перестала перекладывать пломбы.

Ива почувствовала, как холодеет кожа под воротником.

— Мы закончили, — сказала она служащей.

— Приём закончен. Сверка — нет.

— Я сообщу, если понадобится протокол.

Женщина посмотрела на жетон Керна, потом на аварийный колокол. Ей не нравилось происходящее, но формально груз был принят, полномочия подтверждены, угрозы не прозвучало. Она задвинула решётку и ушла с кофром в глубину фонда.

Ива дождалась, пока за ней закроется внутренняя дверь.

— Почему вы решили, что кто-то взял ваше лицо?

— Потому что три ночи назад я купил на Боковом рынке память, в которой вы умираете у моих ног.

Он произнёс это негромко. Центральный колодец повторил последние слова снизу, превратив их в шорох.

Ива не позволила себе посмотреть на аварийный колокол.

— Купили?

— Перехватил у посредника.

— За деньги?

— За деньги обычно и покупают.

— Значит, контрабанда.

— Значит, улика.

— Люди обычно называют уликой то, что успели купить первыми.

Теперь улыбнулся он — без тепла, но почти с признанием удара.

— Хорошо. Считайте, что мы оба умеем повторять чужие доводы. Это не отвечает на вопрос.

Ива подошла ближе на один шаг. Между ними осталось четыре шага и шов в стеклянном полу.

— В вашей капсуле есть дождь, башня и нож?

Терен перестал улыбаться.

— Есть женщина с белой прядью.

— У меня нет белой пряди.

— Пока нет.

— И шрам на её виске?

— Пока нет, — повторил он.

Совпадение было слишком полным для двух независимых капсул. И всё же одна деталь могла разделить копию и общий источник.

— Что делает нож? — спросила Ива.

— Вы хотите узнать, убил ли я вас?

— Я хочу услышать глагол.

Терен посмотрел на её руки, словно решал, какие из них опаснее — пустая или с жетоном.

— Перерезает нить.

В колодце щёлкнуло следующее адресное кольцо.

Ива знала теперь: он видел не пересказ и не вторую версию. Он видел ту же сцену. Возможно, ту же капсулу до конфискации. Возможно, источник, с которого сделали ночной товар.

— Что я говорю перед этим?

— Сначала вы ответьте, что говорю я.

Они стояли посреди моста, разделённые четырьмя шагами и одной фразой, способной доказать совпадение. Первый, кто отдаст её целиком, лишится возможности проверить второго.

— Не имя, — сказала Ива. — Последнее слово.

— Местоимение.

— Это не слово, а часть речи.

— Последнее слово у каждого из нас может отличаться, если монтаж обрезан в разных местах.

Он был прав. И это раздражало сильнее, чем уклонение.

Ива достала из кармана узкую полоску чистой актовой бумаги и написала: «её». Сложила дважды, прижала жетоном к стеклу между ними.

— Пишите своё. Не касайтесь моего листа.

Терен вынул приёмную расписку, оторвал чистый нижний край и написал одно слово левой рукой. Положил рядом, надписью вниз.

Они одновременно перевернули листки.

На обоих было: «её».

Терен прочёл почерк Ивы, затем поднял глаза.

— Кто она?

— В вашей памяти вы этого не знаете?

— Я знаю, что вы просите отозвать нить. Не знаю, кому она принадлежит.

— Я тоже.

Это была первая правда, которую Ива отдала ему без выгоды. Небольшая, безопасная правда — и всё же тело отозвалось так, будто она распахнула дверцу личной ячейки.

Терен перевернул оба листка и накрыл ладонью только свой.

— Капсула сейчас у вас?

— Нет.

— У городской комиссии?

Ива промолчала.

— Значит, у комиссии, — заключил он. — Моя исчезла с Бокового рынка через двадцать минут после покупки. Посредник успел передать мне только отпечаток.

— Отпечаток памяти нельзя снять без якоря владельца.

— Поэтому я и искал вас.

— Вы пришли прямо в Архив сдавать груз, выставив свой маршрут на кофре.

— Я пришёл исполнить семь договоров. Если бы искал только вас, выбрал бы место без колокола.

Он кивнул на красный шнур у стены. Ива отметила слово «только».

— Кто был посредником?

— Человек, который прожил достаточно долго благодаря тому, что не отдаёт имён при первой встрече.

— Вы считаете это первой встречей?

— Если считать по порядку тел, да.

Будущая Ива знала его. Настолько, чтобы произнести имя без вопроса, доверить ему нож и приказать отозвать неизвестную нить. Настоящая Ива видела человека впервые и уже имела основание задержать его. Между этими точками кто-то проложил причинность и продавал её на рынке как свершившееся прошлое.

— Покажите отпечаток, — сказала она.

— Покажите ваш акт о капсуле.

— Он зарегистрирован. Я не могу вынести его из Архива.

— Мой отпечаток незаконен. Я не внесу его в Архив.

— Тогда нам нечего обсуждать.

— Тогда вызовите надзор.

Терен отступил от стойки и встал так, чтобы красный шнур оказался в пределах руки Ивы. Не побегал. Не попытался отнять жетон. Предложил ей самый безопасный поступок и смотрел, выберет ли она его.

Если она дёрнет шнур, комиссия сопоставит капсулы. Но она же получит отпечаток Терена, его источник, связь с Норой и маршрут раньше, чем Ива успеет понять устройство подмены. Если отпустит его, даст подозреваемому время исчезнуть.

Третьего решения инструкция не предусматривала.

— Вы предъявляли шесть недель назад право отзыва от имени Норы Вей? — спросила Ива.

Вопрос изменил его. Не выражение лица — дыхание. Воздух задержался в груди ровно на один удар.

— Нора Вей мертва.

— Поэтому я спрашиваю.

— Я не перевозил её память.

— Мужчина с порезанной правой ладонью назвал ваш маршрут и предъявил её условие доступа.

Терен поднял перевязанную руку.

— Этот порез я получил вчера.

— Удобно.

— Проверяемо. Вчера в шестнадцать сорок я забирал отзыв у стеклодува на улице Трёх Труб. Его печь треснула при свидетелях, осколок прошёл через перчатку. Врачебная метка под бинтом содержит время.

— Метку можно купить.

— Можно. Свидетелей — труднее. Печь — ещё труднее.

Он отвечал не обидой, а цепью проверки. Ива услышала в ней профессионала, привыкшего существовать среди чужого недоверия.

— Маршрут могли передать другому перевозчику?

— Нет. Адрес привязан к моему телесному якорю.

— Какому?

— Вы второй раз пытаетесь его получить.

Ива прикусила внутреннюю сторону щеки. Снова справедливо.

— Тогда кто мог назвать адрес?

— Любой, кто видел мой кофр. Или тот, кто хотел, чтобы вы нашли меня прежде, чем я найду вас.

Сверху донёсся далёкий гул дверей. Комиссия начинала спускаться. Копия акта сделала своё дело быстрее, чем предполагал Керн.

Терен тоже услышал.

— Сколько у нас времени?

— У нас его нет.

— У вас — может быть. У меня до первого вопроса о Боковом рынке.

— Отдайте отпечаток, и я внесу его как добровольно представленную улику.

— Комиссии, которая уже забрала вашу капсулу?

Ива не ответила. Этого хватило.

Он сунул левую руку под плащ. Ива рванулась к шнуру, но Терен вынул не оружие, а плоскую медную пластинку в прозрачном чехле. На меди темнела запёкшаяся капля крови — его якорь. Он держал пластинку за край, не приближаясь.

— Отпечаток открывается болью в правой ладони и запахом дождя на горячем камне, — сказал он. — Крови на нём достаточно для одного прослушивания. Если комиссия заберёт его сейчас, второго не будет.

Тот же якорь. Не просто порез, не просто дождь — точное сочетание из конфискованной капсулы и запрета Норы.

— Нора знала ваш якорь, — сказала Ива.

— Или тот, кто сделал её условие, знал меня.

— Когда вы впервые услышали имя Норы Вей?

— Сейчас.

Ложь прозвучала бы швом только внутри памяти. В живом голосе Ива могла полагаться лишь на паузу, взгляд, выбор слов. Терен не поклялся, не добавил лишних подробностей, не потребовал доверия.

Гул стал громче. На верхнем пролёте зажглась лампа допуска комиссии.

— Уберите пластинку, — сказала Ива.

— Это ваш выбор?

— Это требование хранителя: не раскрывать активный якорь в проходной зоне.

Он спрятал отпечаток.

Ива приложила жетон Керна к боковому замку. На стене открылся технический шкаф с пустыми возвратными коробами. Узкий конвейер уходил вниз, к выходу для перевозчиков. В него мог поместиться человек, если не дорожил достоинством и был готов объяснить синяки.

Терен посмотрел на короб, потом на неё.

— Вы меня отпускаете?

— Я исполняю задачу: установить владельца маршрута, ничего не вскрывать и никого не преследовать.

— А потом?

— Потом вы принесёте отпечаток туда, где ни один из нас не сможет забрать его у другого.

— Место?

Ива подумала о нижнем фонде, Юне и уже обнаруженной печати белой птицы. Нет. Она не имела права втягивать его ещё глубже. Подумала о Лее — и сразу отвергла мысль. Нора уже оставила после себя слишком много дверей в жизнь подруги.

— Старая весовая на Птичьем мосту. Полдень.

— Там три выхода.

— Четыре, если знать, как открывается дождевая решётка.

— Теперь я знаю.

— Теперь вы знаете, что я знаю.

На верхней двери проступила печать комиссии.

Терен забрался в короб и придержал крышку.

— Какой у вас порез? — спросил он.

— Никакого.

— В памяти он есть.

— В вашей или в нашей?

Терен задержал на ней взгляд.

— Вот это и выясним.

Ива толкнула короб. Конвейер принял вес, щёлкнул и унёс его вниз. Через два удара сердца шкаф снова выглядел пустым.

Дверь со стороны Архива открылась.

Лиана Орс вошла первой, за ней — двое хранителей комиссии. Серебряные цепочки допуска лежали у них поверх воротников. Лиана осмотрела закрытую решётку приёма, мост и руки Ивы.

— Перевозчик маршрута семь-три-один-девять находился здесь?

— Да.

— Где он?

— Завершил законную сдачу и покинул фонд.

— Вы его задержали?

— Моё поручение запрещало преследование.

Лиана протянула руку.

— Жетон мастера.

Ива положила жетон Керна ей на ладонь. Серебро успело остыть.

— Что вы установили?

Вопрос был поставлен правильно: не «что произошло», не «что вы подозреваете», а только результат поручения. Ива могла ответить точно и не солгать.

— Маршрут принадлежит Терену Валу. Сегодня он сдал семь законно отозванных воспоминаний без нарушений шва. Свежий порез на его правой ладони, по его словам, получен вчера и имеет врачебную метку. Он отрицает перевозку памяти Норы Вей.

— Вы сообщили ему о Норе?

— Спросила, предъявлял ли он право отзыва от её имени.

— И тем самым сообщили.

Лиана закрыла пальцы на жетоне.

— У вас была причина не вызвать надзор сразу?

За стеной едва слышно прошёл возвратный короб. Если Лиана знала устройство фонда, она поймёт. Если не знала, объяснять звук было некому.

— Его груз был законным, — сказала Ива. — А совпадение маршрута с незаконным отзывом ещё не делает владельца виновным.

— Осторожность неожиданно идёт вам, реставратор Рей.

— Я учусь у Архива. Он хранит даже то, чему не доверяет.

Лиана посмотрела на неё долгим взглядом, затем передала жетон одному из хранителей.

— С этого часа ваш допуск к закрытому реестру приостановлен. До заседания комиссии вы не покидаете главный корпус.

— На каком основании?

— На основании того, что неизвестный получил условие Норы, назвал маршрут Валя, а затем Валь явился к вам раньше, чем комиссия успела его допросить. Либо вас сводят, либо вы уже связаны. Обе возможности требуют проверки.

Ива почувствовала под правой ладонью фантомный пульс будущего пореза.

Полдень на Птичьем мосту был через три часа. Главный корпус закрывали перед ней сейчас.

Терен считал её ловушкой и всё же показал отпечаток. Она считала его убийцей и всё же открыла ему выход. Кто-то рассчитал именно это: страх должен был либо столкнуть их, либо заставить тайно объединиться.

Ива посмотрела сквозь стеклянный пол. Адресные кольца продолжали вращаться, равнодушно раздавая чужим жизням номера.

На нижнем кольце на миг вспыхнул маршрут 7–3–1–9. Рядом с ним появилась новая служебная отметка — не Архива и не городского надзора.

Белая птица расправила крылья и исчезла прежде, чем Лиана успела проследить за взглядом Ивы.

Глава 4. Серебряный шов

Запрет покидать главный корпус отличался от ареста: двери продолжали открываться, но наружная галерея сообщала комиссии имя каждого вышедшего.

До полудня оставалось два часа сорок минут. Керн ждал Иву у стола выдачи без жетона — его доступ тоже приостановили — и положил перед ней серую карточку временного помощника.

— Нашёл без надзора, — сказал он. — Что сделали вы, касается вас. Моё нарушение уже состоялось.

— Почему?

— Потому что три механизма изменили записи Норы, а комиссия начала с ограничения человека, который это заметил. Я не доверяю вам настолько, чтобы дать пустой лист. Поэтому карточка с номером.

Ива взяла пропуск. Через семь минут в открытый фонд вошла осматрщица северных желобов Мира Даль в синей накидке. Пока она проверяла кровлю, Ива надела запасную накидку артели, взяла корзину с мокрым уплотнителем и прошла наружный пост как временный помощник. Чужого имени она не назвала: позволила хранителю связать её карточку с подписанием Миры в журнале.

Снаружи Вереск встретил Иву ветром. Ярусы уходили вверх серыми террасами, вниз — мокрыми лестницами, а между ними висели стеклянные каналы, по которым текли бледные огни запечатанного пережитого. После дождя город пах камнем, угольным дымом и железом. Тот же запах был якорем в капсуле, но без боли в ладони оставался всего лишь погодой.

Ива спустилась по ремонтной лестнице на два яруса и только там села в грузовой вагон к речным складам.

В двенадцать без семи Птичий мост возник над крышами.

Его называли так не из-за птиц. Когда-то мост принадлежал весовщикам, и четыре железные стрелы над пролётами показывали нагрузку. Издали стрелы напоминали длинные клювы. Теперь три заржавели, четвёртая поворачивалась от ветра и клевала небо.

Старая весовая стояла в опоре моста, наполовину над каналом, наполовину внутри камня. Ива подошла не к двери, а к дождевой решётке под лестницей. Проволока из корзины вошла в два боковых отверстия. Решётка откинулась, выпустив запах тины и старой меди.

— Если вы Терен, назовите число выходов, — сказала Ива.

— Если вы Ива, объясните, почему их стало пять.

Терен сидел на балке над старым грузовым коромыслом. За его спиной было выбито узкое окно — новый пятый выход.

— Там тупик, — сказала Ива.

— Теперь нет. Кирпичи были уложены без раствора.

— Вы пришли заранее и разобрали стену?

— Я пришёл заранее и проверил, можно ли уйти, если вы привели комиссию.

Он спрыгнул на настил. Медную пластинку он не показывал.

— Вы опоздали на две минуты.

— Часы на южной башне отстают.

— Я сверяюсь по северной.

— Значит, первое проверяемое ощущение у нас уже есть: вы не любите ждать.

— Это вывод, а не ощущение.

В весовой сохранился круглый стол с чашами по краям. Терен подготовил место так, что никто не мог дотянуться до вещи другого, не качнув общую стрелку и колокол под настилом.

— Снимите накидку, — сказал он.

— Нет.

— В её складках можно спрятать захватную нить.

— В вашем плаще тоже.

Терен расстегнул плащ, снял и бросил к стене. Под ним оказалась простая дорожная куртка, ремни пусты. Ива положила синюю накидку рядом со своим выходом, но корзину оставила у ног.

— Пластинка? — спросила она.

— Ваш отпечаток?

— У меня нет капсулы. Комиссия забрала её.

— Тогда сверять нечего.

— Я слышала швы во время реставрации. Могу воспроизвести их рисунок.

— По памяти.

— Да.

— Вы предлагаете доказать подлинность памяти вашей памятью.

— Я предлагаю сравнить физический рисунок монтажа с тем, что вы принесёте. Вы не обязаны сообщать содержание.

Он некоторое время смотрел на неё, потом достал прозрачный чехол. Медная пластинка внутри была меньше ладони. Запёкшаяся капля крови темнела у края.

— Одно прослушивание, — сказал Терен. — Если мы откроем отпечаток, якорь сгорит.

— Не откроем. Нам нужен шов, не сцена.

— Вы можете услышать его снаружи?

— Если металл коснётся воды и никто не даст якорю замкнуться.

— Удобная способность.

— Не тогда, когда рядом много чужих воспоминаний.

Он положил чехол в свою чашу, не вынимая пластинки. Стрелка качнулась. Под полом тихо звякнул колокол.

Ива достала из корзины тонкую стеклянную спицу и положила на свою чашу. Весы выровнялись.

— Это что?

— Нулевой слуховой камертон. В нём ничего не хранится.

— Как я это проверю?

— Не проверите. Поэтому он остаётся на моей стороне.

Терен кивнул. Отказ от требования оказался первым знаком, что встреча ещё не провалилась.

Ива взяла чашу с водой и медленно повернула её по желобу. Тонкая струя побежала к чаше Терена. Он держал два пальца на краю чехла, готовый отдернуть его. Вода коснулась прозрачной оболочки.

Серебряный звук прошёл по столу.

Не мелодия и не голос — скорее натяжение, которое тело понимало раньше слуха. Законный шов отпечатка звучал ровно: память была снята с носителя с сохранённым согласием или убедительной его копией. Под основным тоном дрожал второй, короткий и грубый.

Ива закрыла глаза.

В конфискованной капсуле поперечный шов пересекал сцену после удара башенного колокола, перед тем как будущая Ива поднимала порезанную ладонь. Здесь шов шёл там же. Но важнее места был рисунок: три быстрых прокола, протяжка назад, узел с двойным нажимом. Монтажник торопился и всё же возвращался к началу, чтобы спрятать направление вставки.

Ива провела ногтем по стеклянной спице: коротко, коротко, коротко, длинно, дважды.

— Повторите, — сказал Терен.

Она повторила.

Он вынул из кармана кусочек тонкой жести и процарапал свой рисунок, не глядя на её руку. Потом развернул.

Три короткие насечки, длинная обратная, два глубоких укола.

— Вы уже знали, — сказала Ива.

— Я слышал неровность, когда покупал отпечаток. Не знал, что она означает.

— Тогда зачем жёсть?

— Чтобы вы не могли сказать, будто подсказали мне ритм.

Ива наклонилась к воде. Тон вибрации слабел, но шов ещё держался. Она коснулась камертоном своей чаши и направила звук обратно. Поперечный шов отозвался неожиданно резко. В нём было больше, чем монтаж будущей сцены.

— Отпустите чехол, — сказала она.

— Зачем?

— Вы своим телом добавляете якорь.

— Если отпущу, вы можете перетянуть чашу.

— Тогда держите край стола левой рукой, не пластинку.

Терен сделал это не сразу. Потом убрал пальцы с чехла.

Звук очистился. Ива услышала под поперечной строчкой тонкую петлю владельческого согласия. Петля начиналась правильно, у края отпечатка, но заканчивалась не в нём. Она ухлынула наружу — как нить, пришитая к другому куску ткани.

— Здесь два источника, — сказала Ива.

— Две памяти?

— Не совсем. Сцена собрана на одном носителе, но право доступа пришито с другого. Кто-то взял ваш телесный якорь и сделал им законный вход в чужую конструкцию.

— Мой якорь нельзя взять без меня.

— Можно получить законно, а использовать потом иначе. Вы когда-нибудь передавали боль в правой ладони и дождь на камне как условие договора?

— Нет.

Ответ был слишком быстрым.

Ива открыла глаза.

— Я не спрашиваю о содержании памяти. Только об условии доступа.

— А я ответил.

— Вы ответили на настоящее время.

Терен напряг пальцы на краю стола. Стрелка дрогнула, колокол под полом звякнул.

— Девять лет назад, — сказал он, — мы с Астой зарегистрировали взаимный аварийный отзыв. Если один из нас исчезал на маршруте, второй мог вернуть последнюю перевозку владельцу. Условие было составным: моя ладонь, её запах дождя.

— Горячий камень?

— Базальтовая крыша нашего дома. После первого летнего дождя она пахла так, будто город открывал печь.

Аста. Обвинённая сестра, имя которой пока существовало для Ивы только в закрытых пометках маршрута. Терен отдал факт неохотно и ровно настолько, насколько требовал шов.

— Договор действует?

— Нет. Я отозвал его, когда её обвинили.

— Когда?

— Одиннадцать месяцев назад.

— Где хранится след отзыва?

— В Палате перевозчиков. Публичный номер ВА-19-88.

Проверяемая деталь. Не воспоминание о сестре, не просьба поверить, а запись, к которой Ива могла прийти без доступа к нему.

— Значит, кто-то получил составной якорь до отзыва, — сказала она. — Или снял его с документа, который Палата должна была уничтожить.

— А условие Норы повторяет мою половину.

— Не повторяет. Юн сказал: неизвестный предъявил «якорь первого дождя». Мы решили, что это ваша ладонь и запах камня, потому что увидели их в капсуле. Но условие могло означать только запах Асты.

Терен посмотрел на медную пластинку так, словно она изменила форму.

— Тогда меня привязали к Норе через неё.

— Или вас обоих привязали к одному документу.

Снаружи по мосту прошёл трамвай. Весовая вздрогнула. Вода в желобе качнулась и на миг накрыла край чехла выше допустимого.

Медная пластинка вспыхнула.

Боль вошла в правую ладонь Ивы — тонкая, горячая, настоящая. Следом пришёл дождь на базальте. Якорь попытался замкнуться через её тело и открыть сцену.

Ива отшатнулась, но стол удержал её стеклянную спицу. Внутри чужого ощущения уже поднималась башня, белая прядь, нож.

— Не трогайте меня! — крикнула она.

Терен остановил руку в половине движения.

Это спасло их обоих. Если бы он схватил её, его кровь и её отклик замкнули бы отпечаток полностью. Он вместо этого ударил локтем по своей чаше. Чехол с пластинкой упал на пол, вода разлилась по доскам. Серебряный звук оборвался.

Ива стояла, прижав правую ладонь к груди. Пореза не было. Боль оставалась.

— Что вы увидели? — спросил Терен.

— Ничего, что можно считать доказательством.

— Вы назвали башню до того, как закрыли глаза.

Ива не помнила, чтобы называла.

— Я сказала не трогать меня.

— После. До этого вы сказали: «На башне нет севера».

В её варианте сцены башенная площадка была круглой, компасные знаки скрывались водой. Фразы о севере она не слышала. Возможно, её произнесла будущая Ива до начала конфискованного фрагмента. Возможно, она пришла не из капсулы, а из чего-то глубже.

— Запишите, — сказала Ива. — Дословно, с временем.

Терен поднял жестяную пластинку и написал на обратной стороне. Руки у него оставались устойчивыми.

— Теперь вы.

— Что?

— Когда пластинка открылась, я почувствовал холод под левым коленом. И слышал три удара изнутри стены. Этого не было в моём отпечатке раньше.

— Почему вы уверены?

— Я прослушал начало при покупке. Продавец остановил сцену до появления вашего лица, но холод и удары возникли бы раньше.

Ива записала его слова на актовой полоске из корзины. Два новых ощущения возникли при случайном совместном открытии, однако принадлежность их оставалась неизвестной. Они могли прийти от исходного носителя, от монтажника или от кого-то из них.

— Нам нельзя повторять, — сказала она.

— Согласен.

— Вы согласились слишком легко.

— У меня одна доза крови. Теперь, вероятно, меньше одной.

Терен поднял чехол за сухой угол. Капля на меди посерела. Отпечаток не сгорел полностью, но ещё одного случайного открытия мог не пережить.

Ива разжала ладонь. На коже проступила серебряная линия — не порез, а тонкий след от основания большого пальца к запястью.

Терен увидел её и побледнел.

— У вас не было шва.

— Это не владельческий шов. Мы не обменивались памятью.

— Тогда что?

Ива поднесла руку к уху. Линия звенела тем же ритмом: три прокола, обратная протяжка, двойной узел. Поперечный монтажный шов отпечатался на ней без самой сцены.

— Метка попытки доступа, — сказала она. — У законного слушателя остаётся петля отзыва. У меня остался рисунок монтажа.

— Его можно снять?

— Не знаю.

— Ива.

Он впервые произнёс её имя не как улику. В голосе прозвучала тревога, и именно поэтому она отступила на шаг.

— Не приближайтесь.

Терен поднял обе руки. Правая, перевязанная, двигалась медленнее.

— Хорошо.

— И не спрашивайте, что я чувствую, если это нельзя проверить снаружи.

— Вы только что спросили меня о сестре.

— Я спросила о договоре и получила номер записи.

— А узнали больше, чем было нужно.

Он был прав. Имя Асты изменило для Ивы смысл якоря, но воспоминание Терена о крыше не было необходимым доказательством. Она приняла его потому, что оно объясняло запах — и потому, что на мгновение хотела увидеть человека за маршрутом.

Так начинались худшие нарушения Архива: не с насилия, а с убедительного интереса.

— Тогда установим правило, — сказала Ива. — Мы не обмениваемся воспоминаниями. Не просим открыть прошлое. Передаём только ощущения, которые можно проверить независимым следом.

— Ощущение нельзя проверить независимо.

— Можно проверить условие, при котором оно возникло. Время, место, предмет, телесную реакцию. Каждый сообщает только наблюдение и способ опровержения.

— Пример.

— Я чувствую боль в правой ладони после контакта воды с чехлом. Проверка: на коже появился шов, которого не было до встречи; его может осмотреть третий реставратор. Я не утверждаю, чья это боль и что она значит.

Терен подумал.

— Я почувствовал холод под левым коленом после вспышки. Проверка: на ткани может остаться температурный след, если ощущение было наведено физически. Если следа нет, это всё равно не доказывает, что я солгал.

— Но ограничивает вывод.

— А если ощущение связано с личной памятью?

— Не передаём его.

— Даже если кажется важным?

— Особенно если кажется.

Снаружи опять загрохотали колёса, теперь медленнее. Кто-то остановил трамвай на мосту.

Терен добавил право любого из них прекратить разговор без объяснения; второй не должен был следовать или искать причину в чужих записях. Копии наблюдений оставались у обоих, единственный предмет — у фактического хранителя до согласованной проверки. Медную пластинку Терен признал спорной: кровь принадлежала ему, память — неизвестному владельцу.

Она достала два листа и провела посередине каждого серебряную черту.

— Слева — наблюдение. Справа — проверка. Никаких имён третьих лиц без их согласия, кроме уже внесённых в публичные записи. Никаких телесных якорей целиком.

— Мы уже знаем мой.

— Поэтому больше не произносим его составные части рядом.

— И никаких прикосновений при активной памяти, — добавил Терен.

Ива записала.

— При любой памяти, пока один явно не спросит, а второй не согласится.

Он посмотрел на неё поверх стола.

— Это правило расследования или общее?

— Вам нужна формулировка шире?

— Мне нужна формулировка без лазеек.

Она дописала: «Прикосновение не считается подразумеваемым способом спасения, проверки или успокоения».

Терен прочитал и кивнул.

Они переписали одинаковые тексты, затем обменялись листами через чаши весов. Стрелка качнулась, но колокол не звякнул: вес бумаги совпал.

— Это не соглашение о доверии, — сказал Терен.

— Нет. Соглашение о пределах недоверия.

— Звучит надёжнее.

Ива осмотрела серебряную линию на ладони. Она уже тускнела, но в месте двойного узла оставалась яркая точка. Если комиссия увидит, придётся объяснять появление следа после запрета выходить из корпуса.

— Договор должен проверить независимый человек, — сказала Ива. — Не вы и не я.

Она почти улыбнулась предложенному Тереном определению такого человека — архивист, чьи нарушения известны и потому предсказуемы, — но снаружи раздался металлический удар. Кто-то проверил запёртую дверь весовой.

Терен одним движением погасил фонарь. Ива накрыла чехол сухой тканью.

— Городской осмотр! — крикнули снаружи. — Открыть помещение.

Голос был незнаком. Настоящий осмотр назвал бы номер опоры и причину доступа.

Через дождевую решётку можно было выйти только по одному. Терен настаивал, чтобы первой ушла Ива: пластинку можно отнять, но шов означал, что отнять могли её. Ива отправила его первым и предложила ждать у третьей опоры тридцать ударов. Он назвал сорок; сошлись на тридцати пяти.

Терен сунул ей жестянку со своими записями, а её лист забрал. Так копии наблюдений разошлись между ними. Потом скользнул к решётке и исчез в сером свете канала.

Ива вернула синюю накидку, бросила испорченный уплотнитель поверх корзины и открыла дверь на тридцать втором ударе сердца.

На пороге стояли двое с правильными эмблемами городской службы и сухими подошвами, хотя мост был мокрым. Старший увидел серебряную линию и потребовал показать руку. Ива опрокинула им под ноги корзину, съехала по наклонной балке на нижний ярус и скрылась в ряду лавок, не побежав к условленной опоре и не выдав Терена.

Терен ждал не там. Он стоял на крыше проходившего под мостом грузового трамвая, держась левой рукой за поручень. Когда вагон поравнялся с лавкой, он не протянул Иве руку — только бросил свободную ременную петлю.

Она сама поймала её и поднялась на площадку.

— Тридцать семь, — сказал он.

— Я открыла на тридцать втором.

— Я считал до вашего появления.

— Вы должны были уйти после тридцати пяти.

— Я ушёл от опоры.

Это было одновременно соблюдением буквы и нарушением смысла. Ива хотела возразить, но заметила, что он смотрит не на неё, а на её ладонь.

Серебряная линия снова стала яркой. На этот раз двойной узел пульсировал в ритме трамвайных колёс.

— Они пришли не за пластинкой, — сказала Ива. — Сначала смотрели на шов.

— Откуда знали, что он появится?

— Потому что монтаж был рассчитан на совместное открытие. Капсула свела нас не только лицами. Она должна была оставить метку на том, кто услышит её с вами.

— Метку для чего?

Ива прислушалась. Сквозь грохот колёс шов отдавал слабым тоном в сторону северных ярусов — туда, где ночные рынки раскрывались после заката.

— Пока это вывод, — сказала она. — У нас есть только ощущение направления.

Терен вынул её лист и написал справа: «Проверка — изменить маршрут и наблюдать отклик».

Грузовой трамвай приближался к развилке. Северная ветка вела к Боковому рынку, западная — к Палате перевозчиков.

— Сначала договор, — сказала Ива.

— Сначала проверка договора ВА-19-88.

— А потом ночной рынок.

— Если шов укажет туда независимо от пути.

На развилке Терен перевёл наружный рычаг. Трамвай со скрежетом ушёл на запад. Серебряная точка на ладони Ивы потянула в противоположную сторону, на север.

Она не сказала, что вместе с тягой почувствовала чужое нетерпение — сладкое, острое, почти радостное. Для него не было независимой проверки. Значит, по их правилам оно оставалось при ней.

Терен тоже промолчал о чём-то. Это было видно по тому, как он прижал левое колено к борту вагона.

Впервые их молчание не скрывало обещанную правду. Оно исполняло соглашение.

Глава 5. Ночной рынок причин

В Палате перевозчиков не хранили воспоминаний. Там хранили доказательства того, что человек когда-то распорядился ими сам.

Западный корпус дрожал над каналом на шести чугунных ногах. Ива вошла через дверь заявителей, Терен — через служебный двор: два запроса, два окна, две независимые выписки.

Ива назвала номер ВА-19-88 и попросила только сведения об отзыве. Служащая за решёткой посмотрела на серебряную линию у неё на ладони, однако не задала вопроса. В Палате умели не замечать чужие швы: иначе работа остановилась бы после первого часа.

— Договор взаимной аварийной передачи, — прочитала служащая. — Стороны Валь Терен Марович и Валь Аста Маровна. Зарегистрирован девять лет назад. Отозван первой стороной одиннадцать месяцев и три дня назад. Остаточные ключи уничтожены.

— Кем подтверждено уничтожение?

— Автоматической печью Палаты.

— Печь умеет подписывать акты?

Служащая подняла глаза.

— Печь выдаёт вес до и после сжигания.

— Значит, акт подписал весовщик.

После короткого спора Ива получила имя: Дан Ович, ночная смена. Потом — номер весового листа. И только когда попросила время сжигания, служащая перестала раздражаться и насторожилась.

— Остаточные ключи поступили в печь через семь минут после закрытия ночного приёма, — сказала она. — Так бывает при срочном отзыве.

— А вес?

До сжигания связка ключей весила сорок одну долю, после — девять долей серебряного пепла.

— Для составного якоря мало, — сказала Ива.

— Вы эксперт Палаты?

— Реставратор муниципального Архива.

— Уже нет, если верить утреннему циркуляру.

Лиана действовала быстро. Ива сложила выписку прежде, чем служащая успела потребовать удостоверение.

— Я заявитель. Моя должность к весу не относится.

— К весу — нет. К доступу в хранилище — да.

Ива и не просила доступ. Недостающий вес доказывал не кражу, а лишь то, что в печь положили неполный комплект. Этого было достаточно для следующей проверки и слишком мало для обвинения.

На улице уже темнело. Терен ждал через два пролёта, под водостоком, где видеть друг друга можно было лишь в отражении канала. Он положил свою выписку на каменный парапет и отошёл. Ива сделала то же самое.

Даты совпали. Номера печи и весовщика совпали. В его экземпляре имелась дополнительная строка: перевозчику сообщили об уничтожении через шесть часов после операции, хотя правила требовали немедленного уведомления.

— Я был в Палате той ночью, — сказал Терен. — Ждал до закрытия.

Это касалось его прошлого и не имело внешней опоры в выписке.

Ива указала на строку уведомления.

— Здесь достаточно. Кто мог вынести недостающую часть?

— Весовщик, приёмщик или человек с доступом к обратному желобу печи.

- Имя весовщика у нас есть.
- Дан Ович умер прошлой зимой.
- Проверяемо?
- Некролог Палаты, январский лист.

Они записали это в правые колонки. Терен не стал рассказывать, знал ли Овича. Ива не спросила. Соглашение не сближало, зато не позволяло спутать расследование с вторжением.

Серебряная точка на ладони всё время тянула к северу. Ива проверила её на трёх перекрёстках, выбирая улицы попеременно. На восточной лестнице шов холодел, на северной начинал звенеть. У входа в Боковой рынок двойной узел стал горячим.

Боковой рынок состоял из боковых ходов: проходы прятались за прачечными, лестницы начинались внутри чайных, лавки открывались в стенках остановленных вагонов. Прямую дорогу здесь считали облавой.

После заката янтарные колбы отмечали законные впечатления, синие — обучение с согласия мастера. Красных фонарей официально не существовало; их свет просачивался из-под навесов.

Терен остановился у продавца пустых капсул.

- В прошлый раз вход был через мастерскую зонтов.
- Вы проверяли сегодня?
- Нет.
- Тогда это не маршрут, а воспоминание о маршруте.
- Полезное различие для человека, который пришёл на рынок по ощущению в ладони. Ива разжала пальцы. Метка тянула вправо, к палатке с медными пуговицами.
- У ощущения есть наблюдаемое изменение на поворотах.
- А у моей памяти — мастерская, которую можно найти.

Они разделились на двадцать минут. Ива пошла за меткой, Терен — проверять зонты. Если оба пути выводили к одному месту, это становилось независимым совпадением.

Ива миновала ряд, не касаясь прилавков. Метка привела её к точильщику. Тот сидел перед колесом, уверенно правил хирургические ножи и смотрел на них с полным безразличием.

- Хорошая сталь, — сказала Ива.
- Сталь как сталь.
- Вы работали в лечебнице?
- Его руки не сбились. Лезвие шло по камню под безупречным углом.
- Работал.
- Хирургом?
- Не знаю.

Он произнёс это без страха. На пальцах остались мозоли от тонких инструментов, на манжете — след старого антисептического серебра. Он умел держать нож так, чтобы не дрожал кончик, но не помнил, зачем когда-то научился отличать живую ткань от мёртвой.

- Кто научил вас точить?
- Никто. Руки умеют.
- Почему перестали лечить?

Колесо замедлилось. Вопрос попал в пустое место, и лицо точильщика впервые изменилось.

- Лечение мешало работе.
- Какой работе?
- Этой.

Он снова нажал педаль. Круг взвыл, от ножа посыпались искры.

У соседней стены женщина мгновенно считала стоимость сложных грузов, но не могла объяснить, зачем покупает одинаковые стеклянные шарики. Девушка чинила часы и вздрагивала, когда механизм начинал идти. Навыки остались. Причины, сделавшие их частью жизни, были вынуты аккуратнее любой памяти.

Ива услышала шов не ушами, а зубами: короткое сухое постукивание. У точильщика — один поперечный разрез. У женщины со счётами — два. У часовщицы шов уходил глубже и был пришит к страху перед звоном.

— Не слушайте без разрешения, — произнёс Терен у неё за спиной.

Он не коснулся её. Даже голосом оставил расстояние.

— Я слышу поверхность, — ответила Ива. — Как запах или хромоту.

— Вы уже строите вывод.

Она хотела возразить, но увидела собственную запись на его листе: наблюдение и способ опровержения. «Поперечный шов у нескольких торговцев». Проверка требовала согласованного осмотра, которого у неё не было.

— Верно, — сказала Ива. — Пока только повторяющийся звук.

Терен показал ей жестяную спицу от зонта. На ней была нацарапана белая птица.

— Мастерская закрыта. Сосед сказал, что вход перенесли к точильщикам три недели назад.

Оба пути совпали.

Точильщик поднял голову, заметил спицу и выключил колесо.

— Вам к госпоже Причине, — сказал он.

— Это имя? — спросила Ива.

— Это товар.

Дверь за его креслом не имела ручки. Точильщик приложил к дереву тупую сторону ножа, и изнутри трижды ударили в стену.

Терен замер.

Три удара. Те же, что он слышал при случайном открытии капсулы.

Ива посмотрела на его левое колено. Он уже перенёс вес на правую ногу.

— Наблюдение? — тихо спросила она.

— Звук совпадает. Причина неизвестна.

— Колено?

Он покачал головой. Не сообщать означало не лгать. Ива приняла границу.

За дверью начинался обитый войлоком коридор. У занавеса стояла чаша с тёплой водой: посетители опускали в неё руки, показывая свежие швы. Ива прошла мимо.

— Без омовения не принимаю, — сказал женский голос.

— Вода активирует мою метку, — ответила Ива. — Мы можем уйти.

Пауза длилась ровно столько, чтобы уход стал правдоподобным.

— Покажите ладонь сухой.

В комнате за занавесом сидела сухоощавая женщина в сером платье. Вместо украшений на ней висели бирки: «точность», «терпение», «желание закончить», «страх ошибки». За спиной под стеклом лежали крошечные капсулы, мутные и бесцветные. Обычная память светилась образом. Эти хранили только направление воли.

— Госпожа Причина? — спросил Терен.

— Сегодня. Завтра, возможно, госпожа Следствие.

Она велела Иве положить ладонь на зеркальную пластину, не касаясь стекла. Серебряный узел отразился дважды.

— Редкая работа, — сказала продавщица. — Вам пришили не воспоминание, а приглашение.

— К вам?

— Через меня.

— Кто заказал приглашение?

— Вопрос дороже ответа.

— Нам не нужен ответ без способа проверки, — сказал Терен.

Женщина впервые посмотрела на него с интересом.

— Тогда вы пришли не покупать.

— Покупать, — сказала Ива. — Мне нужна причина, которую можно вернуть владельцу.

Это было рискованно. Возврат причин не входил в её официальную работу даже до приостановки. Но за соседней стеной точильщик снова запустил круг, и Ива представила, как он когда-то держал скальпель над человеком, которого хотел спасти, а теперь сохранял лишь безупречное движение руки.

Госпожа Причина сняла с крючка бирку «страх ошибки».

— Хирург продал её добровольно. Страх мешал ему резать.

— Он продал страх или причину быть осторожным?

— Покупатели редко понимают разницу.

— А продавцы?

— Мы понимаем цену.

Ива не стала касаться капсулы. По едва заметной неровности на горлышке она увидела, что исходный якорь разделили на три части. Навык оставили владельцу, эмоциональную цену вынули, а личную причину — желание не причинить вред — упаковали отдельно. Страх был лишь вывеской.

— Вы продаёте не переживания, — сказала она. — Вы продаёте объяснения, почему человек использует свой навык одним способом, а не другим.

— Красивые слова удорожают товар, но не меняют спрос.

Покупатель выбрал «необходимость доводить мост до конца». После процедуры он потребовал чертёж и перечислил ошибки в опоре, но не смог сказать, какой мост строит. Он купил чужое «надо» без чужого «для чего».

— Откуда партии? — спросила Ива.

— От людей, которым причины мешают зарабатывать.

— Это нельзя проверить.

— Проверяйте товар.

Госпожа Причина назвала цену капсулы хирурга. Терен положил рядом транспортный жетон — доказательство способности вывезти возвратный груз.

— Мы заберём капсулу по акту спорного владения, — сказал он. — Вы получите расписку и право потребовать оплату, если владелец откажется от возврата.

— Вы предлагаете закон на Боковом рынке?

— Я предлагаю вам покупателя, которого можно найти завтра.

— А если хирург не захочет осторожность обратно?

— Тогда мы не откроем капсулу, — ответила Ива.

Продавщица провела ногтем по бирке.

— Большинство платит, чтобы избавиться от части себя.

— Мы не обещаем возврат. Мы спрашиваем.

За войлочной стеной раздался стук: один, два, пауза, ещё один. Сигнал менялся. Госпожа Причина накрыла капсулы тканью.

— Городской обход.

— Настоящий? — спросил Терен.

— На рынке это неважно.

За сведения о поставщике она потребовала серебряную метку Ивы: приложить ладонь к зеркалу и позволить снять рисунок.

— Нет, — сказал Терен.

Ива ощутила раздражение: он не имел права отвечать за неё. Но Терен смотрел на продавщицу.

— Это моё условие участия в сделке, — продолжил он. — Я перевожу груз и отвечаю за его происхождение. Копия приглашения сделает нас поставщиками следующего покупателя.

— Я не отдаю метку, — сказала Ива. — Предложите проверяемую цену.

— Тогда найдите среди моих капсул одну, которую ваш шов признает родственной. Не открывая и не касаясь. Если ошибётесь, оставите приглашение. Если найдёте — получите её накладную.

Терен вынул лист соглашения.

— Это наблюдение, которое можно проверить по накладной, — сказал он. — Но условие проигрыша неприемлемо.

— Почему? Она уверена в своём слухе?

— Именно поэтому. Уверенность не даёт вам права на её тело.

Метка отвечала сразу нескольким капсулам. Приглашение вело не к партии, а к способу разделки. Согласие на ставку превратило бы её границу в товар.

— Без проигрыша, — сказала Ива. — Если найду родственную капсулу, вы даёте копию накладной. Если нет — мы уходим, а вы сохраняете сведения. Взамен сейчас сообщу, как отличить испорченную причину до продажи. Это защитит вашу репутацию.

Госпожа Причина усмехнулась, но Ива напомнила: испорченная причина может направить полезный навык против самого покупателя. Усмешка исчезла.

— Показывайте.

Продавщица открыла шкаф. Там было тридцать две капсулы. Ива держала руку над стеклом, сохраняя расстояние. У большинства швы звучали одиночными щелчками. У трёх — знакомой обратной протяжкой. Но только одна ответила двойным узлом: метка потянула кожу к капсуле с биркой «желание возвращаться после рейса».

— Эта.

Госпожа Причина проверила номер и помрачнела.

— Почему?

— Родственный монтаж. Три прокола, обратная протяжка, двойной узел. Но последний узел затянут в другую сторону. Причину готовили тем же инструментом или по тому же образцу, затем намеренно развернули право владельца.

— Чего ждать покупателю?

Ива прислушалась, не вскрывая капсулу.

— Не желания вернуться. Подчинения месту, которое назовут домом. Если вставить это перевозчику, он будет завершать любой маршрут в заданной точке, даже когда груз надо отозвать.

Терен стал очень неподвижен.

— Проверка? — спросил он.

— В накладной должен быть исходный владелец и протокол пробного отзыва. Если право развёрнуто, отзыв поведёт капсулу не к владельцу, а к получателю.

Госпожа Причина достала из нижнего ящика книгу накладных. Страницу она не отдала — прижала к ней копировальную ткань и провела нагретым валиком. На ткани проступили номер партии, вес, дата и условный знак поставщика: семь вертикальных штрихов под дугой. Вместо имени стояло «Резервная приёмная С-7». Маршрут доставки заканчивался у дождевой башни Нижнего Венца.

На башне не было севера.

Ива не произнесла фразу вслух. Записала знак и адрес в левую колонку, проверку — в правую: муниципальный реестр приёмных, грузовая книга башни, совпадение веса партии.

Терен записал то же самостоятельно. Потом указал на дату.

Партия поступила на рынок два дня после отзыва договора ВА-19-88.

— Это не доказывает связь, — сказала Ива.

— Но задаёт проверяемую последовательность.

Госпожа Причина завернула капсулу хирурга и спорную капсулу перевозчика в разные слои чёрной бумаги. Первую отдала по расписке Терена, вторую оставила у себя, но сняла с продажи.

— Если вы приведёте сюда обход, накладная исчезнет, — предупредила она.

— Если обход придёт за нами, он уже знает адрес, — ответила Ива.

Стук за стеной приблизился. На этот раз прозвучало требование открыть дверь и назвать число посетителей. Госпожа Причина задёрнула шкаф металлической шторой и показала на люк под ковром.

— Выход ведёт в канал отработанных якорей. Не наступайте на светлые плиты: они помнят вес последних прохожих.

— Почему помогаете? — спросил Терен.

— Потому что я продаю причины, а не последствия.

Ива не приняла красивый ответ за правду.

Они спустились в тёмный коллектор. По обе стороны текли тонкие серебряные струи — остатки якорей, смытые после законных обменов. Светлые плиты действительно хранили вес: на каждой проступал призрачный след ноги. Терен шёл первым и отмечал безопасные камни мелом, не подавая руки. На середине прохода сверху ударили трижды, и метка Ивы вспыхнула.

Из боковой трубы вырвался поток тёплой воды.

Она успела отдернуть ладонь, но капли попали на рукав. Серебряный шов раскрыл направление с такой силой, что Иву качнуло к стене. Перед глазами не возникло сцены. Пришло желание идти к башне — ясное, сладкое, не допускающее вопроса.

Терен встал поперёк прохода, не касаясь её.

— Назовите наблюдение.

— Тяга к Нижнему Венцу после воды.

— Проверка?

— У меня есть адрес до воздействия. Совпадение может быть наведённым.

— Что ещё?

«Я хочу туда» не было наблюдением, которое она готова отдать. Но молчание сейчас могло привести её прямо в ловушку.

— Возникло побуждение двигаться к адресу. Я не считаю его своим решением.

Терен кивнул, словно это было обычное условие маршрута.

— Вы хотите, чтобы я перекрыл проход?

Вопрос вернул ей выбор.

— Да. Пока вода не стечёт с рукава.

Он упёрся плечами в стены. Ива сняла мокрую верхнюю накидку, завернула рукав внутрь и дождалась, пока серебряная линия побледнеет. Терен не спрашивал, что она чувствовала. Не предлагал свою кровь, воспоминание или силу. Просто оставался препятствием, которое она попросила создать.

Когда побуждение ослабло, Ива сказала:

— Можно идти.

— К башне?

— Нет. Сначала проверим приёмную С-7 по реестрам и вернём хирургу право отказа. Если он согласится на осмотр, получим живое подтверждение способа разделки.

— А рынок успеют зачистить.

— У нас копия накладной.

- Которую продавщица может объявить подделкой.
- Тогда нам понадобятся вес партии и грузовая книга башни. Не её память.
- Терен отступил, освобождая проход.
- Соглашение выдержало первый рынок.
- Оно не обязано выдерживать второй.
- Поэтому у него есть право отзыва.

В конце коллектора они вышли под эстакадой северного трамвая. Дождь прекратился, но с башен ещё стекала вода. Вдалеке, над Нижним Венцом, поднималась тёмная круглая громада без флюгера и без компасных знаков. Семь узких окон горели одно над другим.

Ива развернула копировальную ткань. При боковом свете под знаком поставщика проступила строка, которую они не заметили в лавке: «Право окончательного отзыва — муниципальному хранителю».

Не владельцу. Не покупателю. Хранителю, чьё имя в накладной отсутствовало.

Терен сравнил дату со своей выпиской ВА-19-88.

— Остаточный ключ Асты не сожгли, — сказал он. — Его разделили. Запах мог уйти в одну партию, право маршрута — в другую.

— Это вывод.

— Проверка — вес. В печи недоставало тридцати двух долей. На накладной С-7 общий вес партии до разделки — тридцать две.

Числа совпали.

Ива внесла их в обе колонки: наблюдение — равенство веса; опровержение — сверить единицы Палаты и рынка по контрольным гилям. Только после этого позволила себе посмотреть на башню.

Метка на ладони привела их и замолчала.

— Нас не заманивают внутрь сейчас, — сказала Ива. — Нас учат находить поставщика.

— Для чего?

— Этого мы пока не знаем.

Под эстакадой точильщик из бывших хирургов раскрыл чёрный свёрток. Он пришёл за ними сам, без ножей, и держал руки перед собой ладонями вверх.

— Госпожа сказала, вы можете вернуть причину, — произнёс он.

— Только если вы этого хотите, — ответила Ива.

— Я не знаю, хочу ли. Я умею выбирать, где резать. Но не умею выбирать, ради чего.

Ива посмотрела на Терена. Он достал чистый бланк добровольного осмотра и положил его на сухой камень между ними.

Не память. Не обещание. Проверяемое согласие, которое можно отозвать.

— Тогда начнём не с возврата, — сказала Ива. — Начнём с вашего права остановить нас.

Глава 6. Подруга без последнего дня

Точильщик трижды перечитал бланк добровольного осмотра, каждый раз возвращаясь к пункту об остановке процедуры.

Под эстакадой снова пошёл дождь. Капли барабанили по рельсам наверху, и этот звук мешал серебряному шву Ивы: каждый стык отзывался коротким щелчком, похожим на плохо затянутый узел. Она перенесла лампу ближе к сухому камню и положила рядом запечатанную капсулу.

— Если я скажу «хватит», вы вернёте её торговке? — спросил точильщик.

— Мы закроем капсулу и прекратим осмотр, — ответила Ива. — Что делать с ней дальше, решите вы. Можно оставить у Терена на временном хранении, вернуть продавщице или потребовать уничтожения при свидетелях.

— А назад в меня?

— Только отдельной процедурой. Не сегодня и не здесь.

Терен поставил время и показал пустую строку. Точильщик вместо имени нарисовал маленький полумесяц — метку инструмента, который ещё можно исправить.

— Я должен что-то вспомнить?

— Нет, — сказала Ива. — Назовите действие, которое умеете выполнять, и причину, по которой когда-то выбрали его. Если причина не приходит, не придумывайте красивую.

Он усмехнулся.

— Резать умею. Шить умею. Зажимать сосуд до того, как человек истечёт кровью. Причина... Деньги.

— Это причина работать. Почему вы стали хирургом?

Усмешка исчезла. Мужчина посмотрел на свои пальцы так, словно видел точные инструменты без рукояток.

— Хватит.

Ива сразу накрыла капсулу вторым слоем бумаги. Терен зачеркнул строку начала осмотра и записал время остановки.

Точильщик удивлённо поднял глаза.

— И всё?

— Вы сказали «хватит».

— Я думал, вы станете уговаривать. В Архиве всегда объясняли, что второй вопрос нужен для точности.

Ива сложила руки на коленях. Серебряная метка под перчаткой ещё тянула её к Нижнему Венцу, но теперь слабее.

— Второй вопрос был бы нужен мне. Не вам.

После долгой паузы мужчина сам попросил продолжить. Он распорол старый шов на ремне и наложил новый — ровно, на одинаковом расстоянии. Затем надрезал ткань рядом с натянутой стеклянной нитью, но не отдёргнул нож, когда та задрожала и могла лопнуть ему в лицо. Терен успел поставить деревянную пластину.

— Я видел, — сказал точильщик.

— Что именно?

— Опасность.

— Почему не остановились?

Он долго искал ответ.

— Движение ещё не было закончено.

Ива не открывала капсулу. Приложила к чёрной бумаге контрольную пластину, и серебряный шов отозвался тремя короткими проколами, обратной протяжкой и двойным узлом.

Затем она поднесла пластину к запястью мужчины. Первые четыре элемента совпали; двойной узел отсутствовал, будто из законченной фразы вынули слово, превращавшее действие в выбор.

— Навык остался у вас, — сказала Ива. — Изъяли не страх как чувство. Отделили способность прекращать верное движение, когда меняется его цена. Капсула похожа на товар с рынка и на партию С-7 по способу монтажа. Это подтверждает метод, но не поставщика.

— Вы можете вернуть мне это слово?

— Вероятно. После проверки якоря, с врачом, свидетелем и защитой от обратной тяги.

Капсулу точильщик оставил Терену на трое суток по расписке с правом забрать без объяснения причин.

Когда он ушёл, Ива записала результат в левую колонку: совпадение рисунка разделки. В правую — что сходный инструмент не доказывает общего заказчика. Ниже добавила: остановка по слову владельца сработала.

— Вы записываете это как улику? — спросил Терен.

— Как условие, без которого остальные улики ничего не стоят.

— Тогда что дальше?

Башня Нижнего Венца виднелась между опорами эстакады. Семь окон погасли, но вода всё ещё стекала по её тёмным бокам. Ива могла проверить реестр приёмной С-7, контрольные гири Палаты и грузовую книгу. Все три пути были профессиональными, чистыми и медленными. Ни один не отвечал, почему якорь первого дождя открывал пустую ячейку Норы.

— Лея, — сказала она. — Накануне смерти Нора ночевала у неё.

Терен не спросил, почему они не пошли к Лее раньше.

— Она согласилась говорить?

— Она не знает, что я приду.

— Это не ответ.

Ива сложила бланки в сумку.

— Нет.

До дома Леи они добрались разными трамваями. Так предложил Терен: если за серебряной меткой следят, двоим не следует приводить наблюдателя к одному свидетелю. Ива возразила, что Лея не свидетель. Слово прозвучало слишком быстро.

— Тогда к подруге тем более не стоит вести слежку, — сказал он.

Они договорились встретиться через час у чайной напротив. Терен взял капсулу точильщика и копию накладной, Ива — только записи без адреса рынка. Перед тем как разойтись, он напомнил:

— Наше соглашение действует и с людьми, которые его не подписывали.

— Я знаю, как разговаривать с Леей.

— Я этого не проверял.

Он произнёс без насмешки. Именно поэтому слова задели.

Лея жила в Среднем Кольце, над мастерской траурных витрин. Сейчас мастер выставил комнату с одним накрытым прибором столом. За столом никто не сидел, но две чашки ещё дымились.

Ива задержалась перед витриной. Нора ненавидела такие композиции. Говорила, что город умеет продавать скорбящим всё, кроме права скорбеть некрасиво.

Лея открыла после второго звонка. На ней был рабочий фартук с пятнами синей глазури, волосы собраны медной спицей. Увидев Иву, она сначала улыбнулась, потом заметила сумку Архива — старую, с вытертой эмблемой — и улыбка стала осторожной.

— Ты всё-таки пришла вернуть мои формы?

Ива вспомнила. После поминок она забрала у Леи три заявления на закрытие бытовых отпечатков Норы, обещала проверить, почему пошлина посчитана дважды, и не вернулась.

— Формы у меня. Я принесу их завтра.

— Значит, пришла не поэтому.

Из квартиры пахло запечённой грушей и горячей глиной. На подоконнике сохли маленькие чашки без ручек.

— Можно войти?

— Можно. Если ты пришла как Ива.

Условие было ясным. Ива сняла сумку и оставила её в прихожей.

— Как Ива.

Лея провела её на кухню. Третья чашка стояла в глубине шкафа, перевёрнутая. Когда-то Нора нарисовала на ней белую птицу, больше похожую на сердитую курицу. Ива заметила, что Лея переставила сахарницу, закрывая рисунок.

— Ты ела? — спросила Лея.

— На рынке.

— На каком?

— На северном.

Ложь была маленькой и бессмысленной. Боковой рынок не лежал ни на одном направлении, которое город признавал на картах. Лея поставила перед ней чайник.

— Нора тоже отвечала сторонами света, когда не хотела называть место.

— Я не хочу подвергать тебя опасности.

— Тогда начни не с фразы, после которой обычно сообщают опасную вещь.

Ива взяла горячую чашку. Лею невозможно было торопить. В студенческие годы, когда они втроём делили комнату под западной водокачкой, Нора могла спорить до хрипоты, Ива — раскладывать спор на факты, а Лея молча лепила из хлебного мякиша птиц. Потом ставила одну фигурку между ними, и становилось стыдно кричать над такой маленькой головой.

— Я нашла пустую ячейку Норы, — сказала Ива. — Её посмертную память забрали после смерти. Вместо неё оставили подмену.

Лея не уронила чашку. Не побледнела. Только переставила сахарницу ещё на палец, окончательно скрыв белую птицу.

— Ты уверена?

— Я слышала шов. Есть журнал перемещения и чужой якорь доступа.

— Кто забрал?

— Не знаю.

— Тогда зачем ты здесь?

— В последний день Нора была у тебя.

За стеной мастер витрин включил прогревочную печь. По трубам прошёл низкий гул.

— Она была у многих, — сказала Лея.

— Ночевала у тебя.

— Не ночевала.

Ива поставила чашку.

— В отчёте о смерти записано, что утром она вышла отсюда.

— В отчёте много удобного.

— Это можно уточнить.

— Уточняй у отчёта.

Лея достала из шкафа третью чашку с белой птицей, налила чай и поставила на свободное место. Пар на мгновение разрезал птицу пополам.

— Последний день Норы принадлежит не тебе, — сказала она.

— Я не утверждаю, что принадлежит.

— Ты пришла за ним с сумкой Архива.

— Сумка в прихожей.

— А Архив где?

Ива поняла вопрос и всё равно ответила неправильно:

— Мой допуск приостановлен.

Лея коротко рассмеялась.

— Я спрашивала не про допуск.

Ива посмотрела на третью чашку. Нора сидела здесь или нет? Пила чай? Оставила капсулу? Попросила Лею солгать? Любой ответ мог изменить направление расследования, а Лея держала его не в словах — в том, как избегала даты.

— Я не прошу отдать мне всю память, — сказала Ива. — Только разрешить внешний осмотр шва на последнем дне. Без открытия образов.

— Нет.

Отказ прозвучал спокойно. Не испуганно, не виновато.

— Можно проверить только границу фрагмента. Если в твою память вмешивались, ты имеешь право знать.

— Имею. Не обязана хотеть.

— Нора погибла.

— Я заметила.

— Её посмертную ячейку вскрыли твоим утром.

— Не моим.

— Тогда чьим?

Лея прижала ладони к столу. На правом запястье блеснул обычный бытовой шов — тонкое кольцо от обмена семейным воспоминанием. Ива знала его давно: в девятнадцать лет Лея отдала сестре образ матери, смеющейся перед грозой. Законная копия, отзывающаяся обеими.

— Вот, — сказала Лея. — Ты уже смотришь.

Ива отвела взгляд.

— Прости.

— Нет, ты не смотрела на шов. Ты решала, как его использовать.

Ива не собиралась использовать семейный отпечаток — искала признаки свежего монтажа. Профессиональная привычка сработала прежде мысли.

— Я пытаюсь понять, меняли ли твою память.

— А я пытаюсь сказать, что не дам тебе её осматривать.

— Почему?

— Потому что там Нора живая.

Лея сказала это без дрожи. Все подготовленные вопросы Ивы перестроились вокруг фразы: если «там» означало сохранённый день, у него существовал якорь.

Ива услышала собственное дыхание и тихий скрежет ложки о край третьей чашки. Лея не касалась ложки. Звук приходил из серебряной метки под перчаткой: ложный шов подражал бытовым шумам, подталкивая к распознаванию.

Нора однажды сказала ей: «Ты умеешь оставить человеку тайну только после того, как убедишься, что она не опасна».

Тогда Ива ответила, что опасность можно определить лишь проверкой. Они поссорились на неделю.

— Я не заберу образ, — сказала Ива. — Ответ на один вопрос как свидетель.

Лея медленно убрала руки со стола.

— Я не свидетель.

— В момент, когда Нора вышла отсюда, на ней был телесный якорь первого дождя: порез правой ладони или запах мокрого базальта?

Вопрос был составлен безупречно. Он отделял два элемента составного ключа, не требовал открыть сцену и позволял сверить доступ к ячейке. Так спрашивали людей после незакон-

ного монтажа, когда прямое воспоминание могло быть заражено. Профессиональный вопрос обходил содержание памяти и бил точно в её устройство.

— Лея отшатнулась, будто Ива всё-таки коснулась её запястья.

— Ты обещала прийти как Ива.

— Я и пришла.

— Нет. Ива спросила бы, как я жила эти месяцы. Ива принесла бы формы. Ива помнила бы, что я просила не превращать последнее утро в общий коридор, по которому ходят следователи.

— Я не следователь.

— Это должно меня утешить?

— Лея, ключ уже использовали. Кто-то вошёл в ячейку Норы через якорь первого дождя. Если я узнаю, какая половина была у неё в тот день, смогу отделить подмену от настоящего следа.

— Ты не слышишь слово «нет».

— Слышу. Но ты можешь отказаться от осмотра и всё же ответить на вопрос.

— Это и есть осмотр. Только ты спрятала инструмент в грамматику.

Ива замолчала.

За окном по стеклу витрины потекла вода. Пустой стол внизу расплылся, и две дымящиеся чашки стали похожи на светлые пятна памяти, из которой вынули людей.

— Хорошо, — сказала Ива. — Не отвечай.

— Ты уже получила ответ.

— Нет. Твоя реакция не доказывает ни один вариант.

— Я не про расследование.

Лея взяла третью чашку и вылила нетронутый чай в раковину. Белая птица исчезла за её пальцами.

— Я получила от Норы один день, — сказала она. — Не капсулу, не показание и не тайник. День, в котором она ещё не стала делом Архива. Я не дам тебе проверить, тот ли это день, который ты ищешь. Не потому, что виновата. Не потому, что меня заставили. Потому что она просила меня хотя бы раз выбрать человека, а не пользу от его памяти.

Ива ощутила знакомую тягу: выделить точные слова, записать последовательность, спросить, когда Нора произнесла просьбу и присутствовал ли свидетель. Даже сейчас часть её разума раскладывала ответ на проверяемое и непроверяемое.

— Она говорила обо мне?

— Я не буду отвечать.

— Просьба касалась меня?

— Ива.

— Если Нора знала, что я стану искать ячейку...

— Уходи.

Лея не повысила голос. Поставила вымытую чашку на полотенце белой птицей к стене и прошла в прихожую. Ива последовала за ней, чувствуя тяжесть оставленной сумки ещё до того, как подняла её.

— Я могу принести формы завтра, — сказала она.

— Оставь у мастера внизу.

— Мы можем поговорить не о Норе.

— Можем. Когда ты перестанешь делать из моего отказа временную неисправность.

Лея открыла дверь.

Ива задержалась на пороге. Самым простым было сказать, что речь идёт о жизнях, о партии С-7, о тридцати двух долях остаточного ключа. Тогда отказ Леи выглядел бы эгоизмом,

а давление — необходимостью. Но точильщик полчаса назад сказал «хватит», и мир не рухнул оттого, что Ива остановилась.

Здесь она не остановилась.

— Ты права, — произнесла Ива. — Я нарушила обещание.

Лея смотрела на неё устало, без торжества.

— Да.

— Я не буду использовать твою реакцию как улику.

— Ты всё равно её запомнишь.

— Запомню.

— Вот поэтому я больше не расскажу тебе, что именно помню.

Дверь закрылась мягко. Замок щёлкнул лишь один раз, но серебряная метка повторила звук: три коротких прокола, обратная протяжка, двойной узел. Ива натянула перчатку выше, будто ткань могла заставить чужое приглашение замолчать.

В чайной напротив Терен сидел у окна, спиной к стене. Перед ним лежали два запечатанных конверта и блюдо с нетронутой мятой. Ива вошла, но не села.

— Она отказалась.

— Тогда уходим.

— Уже.

Терен посмотрел через улицу на тёмное окно Леи.

— Что вы спросили после отказа?

— Какой элемент якоря был у Норы в последний день: порез или запах.

— Она ответила?

— Нет.

— Значит, у нас нет сведений.

— Она сказала, что хранит день, в котором Нора живая, и что Нора просила выбрать человека, а не пользу от памяти.

— Это не сведение о ключе.

— Я знаю.

Терен убрал конверты во внутренний карман.

— Тогда почему вы повторяете её слова мне?

Ива села. Вопрос оказался точнее её собственного.

— Потому что хочу сохранить хоть что-то из разговора.

— Для расследования?

— Наверное.

Он подождал другого ответа. Ива не нашла.

— Вы просили меня перекрыть проход, когда метка навязала вам путь к башне, — сказал Терен. — Я решил, что вы умеете отличать желание получить ответ от решения его получить.

— Я умею.

— Сегодня — нет.

Слова не были обвинением, и от этого от них нельзя было защититься. Ива достала записную книжку. На странице осмотра точильщика в левой колонке стояло совпадение шва, в правой — предел доказательства. Ниже она записала: «Лея отказала в доступе. После отказа задан профессиональный вопрос. Полученные реакции не использовать».

— Этого достаточно? — спросила она.

— Для протокола.

— А для соглашения?

— Наше соглашение не даёт мне права простить вас за Лею.

— Я не прошу прощать.

— Хорошо.

Он допил остывший чай. Между ними осталось блюдо с мятой: листья потемнели по краям, хотя их никто не трогал.

— Пока я ждал, проверил публичный указатель муниципальных приёмных, — сказал Терен. — С-7 существует. Но это не здание.

Ива подняла взгляд.

— Что тогда?

— Резервный маршрут, который присваивают приёмной на время Стеклянного дождя. Он может открываться в любой башне, где есть свободная ёмкость и хранитель с допуском.

— Значит, адрес на накладной обозначает место последней активации.

— Или место следующей. Запись обновляют только после приёма груза.

Это было первое чистое сведение за вечер. Его можно проверить в реестре аварийных маршрутов и грузовой книге башни.

— Контрольные гири? — спросила она.

— Палата откроется на рассвете. Но башня меняет сборный резерв в полночь. Если в С-7 лежит остаток ключа Асты, его могут переместить.

На часах над стойкой было без четверти одиннадцать. До Нижнего Венца — сорок минут трамваем, если линии не затопило.

— Мы не войдём без допуска, — сказала Ива.

— У нас есть накладная спорного груза и капсула владельца с совпадающим монтажом. Можно потребовать временную остановку перемещения до сверки.

— Мой допуск приостановлен.

— А мой перевозочный действителен. Я потребую остановку. Вы будете экспертом, которого я выбрал, а не архивистом, назначившим себя.

Он положил на стол чистый лист соглашения. Не старый, заключённый на весовой, а новый — для одного маршрута и одной ночи.

Ива прочитала условия. Терен сохранял право прекратить осмотр, если она попытается открыть груз без согласия владельца или хранителя. Ива могла остановить путь при воздействии серебряной метки. Ни один из них не передавал другому право решать за Лею или толковать её отказ.

Последний пункт он добавил уже после её рассказа.

— Вы мне не доверяете, — сказала Ива.

— В этом вопросе — нет.

Она ждала, что он смягчит ответ. Терен не стал.

Ива подписала лист.

Они вышли под дождь. На втором этаже Лея погасила свет, но окно кухни осталось открытым. Ива не подняла головы. У входа в трамвай она сняла с сумки эмблему Архива и убрала в карман — не как отказ от профессии, а как вещь, которую нельзя носить вместо разрешения.

Когда подошёл вагон Нижнего Венца, серебряная метка на ладони ожила. Теперь она тянула не просто к башне. Она отбивала время до полуночи.

Ива встала у задней площадки, оставив между собой и Тереном расстояние в вытянутую руку.

— Если я начну называть навязанное желание решением, — сказала она, — остановите маршрут.

— Каким словом?

После разговора с Леей любое заранее выбранное слово казалось слишком лёгким. Ива посмотрела на город, где память открывала двери, подтверждала родство и превращала близость в документ.

— «Хватит».

Терен кивнул.
Трамвай пошёл вниз, к башне без севера.

Глава 7. Человек, которого ещё нет

Дождевая башня Нижнего Венца не указывала север. Четыре одинаковых водосброса смотрели в четыре стороны, и из каждого падала чёрная на ночном свете вода.

Когда трамвай остановился у башни, до полуночи оставалось двадцать три минуты.

Терен первым ступил на мокрую площадку. Ива задержалась под навесом вагона: серебряная метка под перчаткой тянула её к левому водосбросу, хотя вход находился справа. Тяга была не болью, а уверенностью тела. Так нога заранее знает высоту знакомой ступени. Так рука ищет выключатель в комнате, где прожила годы.

Ива здесь никогда не бывала.

— Куда? — спросил Терен.

Она показала на служебную дверь.

— Метка?

— В другую сторону.

— Тогда сначала туда, куда решили вы.

Он встал возле двери и оставил её прямую дорогу. После кухни Леи такая осторожность казалась приговором: Терен не считал её способной вовремя отличить просьбу от вторжения.

Ива прошла мимо него и постучала перевозочным кольцом, которое он дал ей только для вызова хранителя. Кольцо ударило о стекло трижды. Метка под перчаткой ответила тремя короткими проколами.

Дверь открыла женщина в сером непромокаемом переднике, со связкой мерных ключей и водяным фонарём.

— Приём закончен, — сказала хранительница. — Сборный резерв уйдёт через восемнадцать минут.

Терен раскрыл книжку перевозчика.

— Терен Валь, независимый маршрут семь-три-один-девять. Требую временно остановить перемещение С-7 до сверки спорного груза.

— Основание?

Он подал копию накладной, найденной на Боковом рынке, не выпуская её из пальцев.

— Тридцать две доли составного якоря по отозванному договору ВА-девятнадцать-восемьдесят восемь. Право окончательного отзыва записано за муниципальным хранителем, который не был стороной договора.

Хранительница прочла верхнюю строку.

— Эта бумага не из нашей книги.

— Поэтому я и называю груз спорным.

— А она кто?

— Эксперт по швам, выбранный владельцем якоря для внешней проверки.

Слово «владельцем» отделило Иву от Архива надёжнее снятой эмблемы.

— Допуск? — спросила хранительница.

— Для внешней проверки запечатанной тары достаточно согласия стороны отзыва и ответственного хранителя, — сказала Ива. — Я не прошу открыть образ.

— Все так говорят, пока не услышат внутри знакомый голос.

— Поэтому право остановить осмотр принадлежит ему.

Ива кивнула на Терена. Он не подтвердил и не опроверг. Хранительница перевела взгляд с одного на другую, заметила расстояние между ними и протянула ладонь.

— Ярна Вей, старшая этой смены. Давайте оригинал накладной и ваше требование. Если печать совпадёт с журналом, поставлю заслон на десять минут. Не совпадёт — уйдёте вместе с резервом из моей очереди.

— Десяти недостаточно, — сказал Терен.

— Через пятнадцать минут башня должна освободить чашу. Если не освободит, вода нижнего яруса понесёт сегодняшние следы в чужие приёмные. Хотите остановить систему — принесите приказ Палаты.

Палата откроется на рассвете. Терен отдал документы.

Пока Ярна сверяла печати, Ива смотрела внутрь. Три жёлоба несли дождевую воду, четвёртый был сух. В центре висела матовая чаша сборного резерва. Под ней вращалось кольцо с номерами приёмных.

С-7 появлялся лишь на миг, каждый полный оборот.

Метка толкнула Иву к сухому жёлобу. Она сжала пальцы.

— Печать настоящая, — сказала Ярна. — Накладная — нет.

— Объясните, — потребовал Терен.

— Печать принадлежит этой башне, оттиск поставлен девять ночей назад. Но бланк грузовой книги вышел из обращения после Стеклянного дождя. На таких принимали память, когда живых хранителей не хватало и право согласия заменяли списком спасённых.

— Кто мог получить старый бланк?

— Любой архивный подвал. Любой музей. Любой человек, которому тогда доверили не считать людей по одному.

Она вставила мерный ключ в щель у чаши. Кольцо остановилось. Где-то глубоко под башней вода ударила в заслон, и пол вздрогнул.

— Десять минут, — сказала Ярна. — С этой секунды.

Терен подошёл к ограничительной линии вокруг чаши, но не переступил её.

— Что именно записано за С-7?

— Сборная ёмкость: семь капсул, общий вес сто девятнадцать долей. Имена владельцев закрыты аварийным режимом.

— Есть груз весом тридцать две?

— Вес отдельной капсулы могу сообщить владельцу или по приказу.

— Я сторона якорного договора.

— Это ещё надо доказать без открытия.

Ива сняла сумку и достала камертон слушателя, ленту расстояния и две пустые стеклянные пластины. Серебряная метка сразу потеплела.

— Мне нужен только внешний отклик тары, — сказала она. — Вы называете номер, я отмечаю число швов и вид закрытия. Без содержания, якоря и имён.

Ярна покачала головой.

— Чаша не выдаёт капсулы по одной до перемещения.

— Тогда отклик по ободу. Семь точек, семь касаний камертона. Я смогу отделить продольные законные швы от поперечного монтажа.

— А если не сможете?

— Напишу именно это.

Терен развернул их ночное соглашение и положил на стойку хранильницы.

— Пункт третий. Никакого вскрытия. Пункт четвёртый: я прекращаю осмотр. Ответственность за требование моя.

Ярна прочла лист быстрее накладной.

— Люди обычно приносят разрешение на доступ, — сказала она. — Вы принесли разрешение не доверять эксперту.

— Поэтому оно работает, — ответил Терен.

Ярна отперла калитку в ограничительной линии.

Ива вошла одна. Медь под подошвами гудела от задержанной воды. Она положила первую пластину на край чаши, ударила камертоном и коснулась его ножкой стекла.

Низкая нота прошла по ободу. Семь капсул отозвались одна за другой: чистый продольный звон, глухой узел, два тонких согласованных шва, ещё один чистый, пустой стук и — три коротких прокола, обратная протяжка, двойной узел.

Серебряная метка раскрылась жаром.

Башня исчезла не из глаз — из причинности. Ива видела чашу и Терена, но знала другое: она уже спускалась под сухой жёлоб, уже находила красную дверь. За ней Терен держал нож над её раскрытой ладонью; белая прядь падала ей на глаза, под левым коленом стыл камень.

«Отзови меня».

Она сделала шаг к сухому жёлобу.

— Ива, — сказал Терен.

В его голосе не было приказа. Только проверка, осталось ли имя её именем.

— Я слышу нужную капсулу.

— Где вы решили стоять?

Вопрос вернул башню не целиком. Часть пола по-прежнему казалась лестницей, которой не существовало.

— У чаши.

— Вы идёте к жёлобу.

— Там красная дверь.

Ярна резко посмотрела вниз.

— Под сухим руслом нет двери. Там перепускная труба.

Ива подняла ногу для второго шага.

— Хватит, — сказал Терен.

Слово не разрушило навязанную уверенность. Оно вернуло решение, принятое в трамвае и доверенное человеку, которому Ива сейчас не хотела верить.

Она опустила ногу на прежнее место.

— Прекращаю осмотр, — сказала Ива.

Терен вошёл за линию только после того, как Ярна кивнула. Он забрал камертон, не касаясь Ивы, и положил его на стойку.

— Выйдите из круга.

— Я могу закончить внешнюю карту.

— Нет. Вы услышали монтаж и начали выполнять его подсказку. «Хватит» прозвучало один раз.

Лея сказала то же самое другими словами: ты делаешь из отказа временную неисправность.

Ива вышла из круга.

Ярна закрыла калитку и посмотрела на часы.

— Шесть минут. Что вы можете доказать?

— Одна из капсул имеет рисунок монтажа, совпадающий с отпечатком господина Валя, — сказала Ива. — Она навязала сцену, которой нет в устройстве башни. Сохраните заслон до прибытия надзора.

— Недостаточно. Вы могли принести заражённый камертон. Или сама ваша метка вызвала ответ.

— Тогда проверьте мою пластину своим мерником.

— Пластина записала общий отклик. Она не доказывает, что монтаж находился внутри чаши до вашего касания.

Ярна была права. Любая экспертиза Ивы теперь имела два источника: объект и серебряную метку. Разделить их без второго слушателя нельзя.

Терен взял чистую пластину за край.

— Мой отпечаток запечатан у вас снаружи?

— Да, — сказала Ива. — В свинцовом футляре.

— Он реагировал на башню до камертона?

— Футляр не показывает реакцию.

— А я показываю?

Она взглянула на него. Терен стоял слишком ровно, прижимая правую руку к боку. Внешне — ничего. Но его дыхание стало короче после первого удара камертона.

— Что вы почувствовали? Как участник соглашения можете не говорить.

— Холод под левым коленом. Потом страх, что я не успею остановить собственную руку.

Ярна перевела взгляд на его руки. Обе были пусты.

— Это уже было в купленной сцене? — спросила Ива.

— Холод был. Страх — нет. В сцене я знал, зачем держу нож.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.